ДА 25 / Б 83
Борхардт
Истор. материализм
1923

Ю. Борхардт.

Исторический материализм

1923

Издательство Буревестник

ВВЕДЕНИЕ
В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

ЮЛИАН БОРХАРДТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

ВВЕДЕНИЕ В МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

ПЕРЕВОД СО ВТОРОГО ДОПОЛНЕННОГО НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. В. РОЖИЦЫНА

„БУРЕВЕСТНИК“ · КРАСНОДАР · 1923

Отпечатано
в 5-й Государственной
типографии Кубчерполиграфтреста
в феврале 1923 года, в количестве
12.000 экз. Заказ № 1236.
Кубчероблит № 144.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Предлагаемой популярной работой Юлиана Борхардта издательство „Буревестник“ открывает намеченную им серию популярной марксистской литературы.

В конце брошюры приложены примечания и указатель литературы, по независящим обстоятельствам не просмотренные редактором перевода.

15-го февраля 1923 года
гор. Краснодар.

СОДЕРЖАНИЕ:

I.

Что такое история? Буржуазное (идеологическое) понимание истории.

Каждый мыслящий рабочий слышал, конечно, не раз выражение „исторический материализм“ и каждый при этом думал что-нибудь. Но что? Понимание этого выражения чрезвычайно затруднено тем, что в нем нагромождено сразу два иностранных слова. Существует, однако, еще другое выражение для обозначения того же самого понятия, а именно: выражение „материалистическое понимание истории“. Это уже легче поддается пониманию, так как в нем имеется по крайней мере одно родное слово. Итак, мы знаем теперь: исторический материализм — это особое понимание истории, и об'яснения требует лишь слово „материалистическое“. Оно образовалось, естественно, из знакомого нам слова „материя“, однозначащего со словом „вещество“. Что же общего у понимания истории с материей, веществом? В какой связи оно может находиться с материей?

Чтобы узнать это, займемся сначала более обстоятельно словами „понимание истории“. Что такое понимание, всякий знает. Но знает ли всякий, что такое история? Конечно, все мы ее изучали в школе! Как много и частью подлинно хороших и интересных часов было заполнено в ней историей!

Восстановим же в своей памяти, чему учили нас в эти часы. Когда в ребяческом возрасте впервые знакомили нас с историей, это были рассказы о войне и военном быте, жадно глотаемые любознательными умами, рассказы о крупных событиях с богами, полубогами и людьми. Позже легенды сменились собственно историей, но долго еще это были почти только войны, походы, сражения, геройские подвиги, немного разбавляемые, правда, кое-чем из так называемой „политической

истории". В более зрелые годы последняя постепенно занимала большее место. Но, если прежнее преподавание истории состояло в рассказывании великих дел военных героев: полководцев, генералов, князей и королей, то в политической истории их сменили дела крупных государственных мужей: министров, канцлеров и дипломатов. И все преподавание было направлено на то, чтобы внушить юным умам удивление пред историческими личностями, имевшими наибольший успех. Преклонение пред великими людьми было сознательной целью этого преподавания истории.

Дальше этого пролетарские дети, конечно, редко заходили. Но и те, кому посчастливилось дальше насладиться преподаванием и поучиться тому, что называется „историей культуры", и те узнали в сущности лишь то, что какой-нибудь художник создал такие-то статуи, здания, картины, драмы или музыкальные произведения, что тот или иной ученый написал такие-то книги, произвел такие-то изыскания и так далее.

Все преподавание было, таким образом, с начала и до конца сосредоточено на личностях великих мужчин и женщин. В этом ясно отражается господствующее буржуазное понимание истории, то-есть: в этом ясно обнаруживается, во-первых, в чем именно это понимание усматривает содержание истории, и, во-вторых, что именно, по этому пониманию, определяет ход истории, что играет роль его причины. Содержание истории составляют для него происшествия, имевшие место в жизни человечества. Таким образом, содержание, например, немецкой истории в XIX столетии таково: сначала крушение Пруссии в войне с Францией, затем внутренние реформы Прусского государства, дальнейшие наполеоновские войны, либеральные стремления последующих десятилетий и борьба с ними князей, революция 1848 года, годы прусской реакции, затем войны 60-х годов, французская война 1870 года и, наконец, известные дальнейшие политические события до создания, пожалуй, гражданского кодекса[1]); коротко говоря,— ряд событий.

Не только военные события имеются при этом в виду, но и мирные дела, как, например, создание конституции германского государства или — обращаясь ко всей мировой истории — постройка Суэцкого канала,[2]) открытие в более ранние века

Америки,[3]) изобретение книгопечатания[4]) и т. д. Все это — исторические события; все они принадлежат истории и в своей совокупности образуют „мировую историю“. Кто, следовательно, хочет изучать историю, тот должен изучать эти события.

Однако, как уже отмечено нами, обычное преподавание истории обнаруживает и то, к каким причинам сводится здесь ход истории. Все эти события являются делами, свершонными людьми и часто даже отдельными людьми. На творениях художников и ученых и делах государственных мужей это — большею частью совершенно ясно. В войне и сражении участвуют, конечно, многие, но главное — так по крайней мере рассказывают нам — совершают полководцы, и им-то и приписываются целиком события. И раз ход истории понимается, как ряд событий, свершонных отдельными людьми, то нет больше места спору о причинах такого-то, а не другого хода истории: они — в личных свойствах вождей; в их воле — в одних случаях (они задумали и свершили данные дела, так как захотели этого), в их общей одаренности, их значительности или незначительности — в других. Значительный человек имел успех, незначительный — должен был терпеть крушение.

Вот — в существенном то понимание истории, которое является господствующим, и в котором все мы были воспитаны. Знаменитый историк Генрих фон Трейчке[5]) коротко и метко выразил его в словах: „мужи творят историю“, причем слово „мужи“, естественно, не следует понимать буквально, так как и женщины принимали оживленное участие в этом творчестве, как, например, царицы Мария Терезия Австрийская,[6]) Екатерина Великая и другие.

Так как это понимание истории сводит ход ее к идеям руководящих личностей, „великих людей“, его называют идеологическим[7]) пониманием истории.

Всякий, кто внимательно вдумается в это понимание, должен заметить, что оно во многих отношениях неудовлетворительно. Прежде всего, об‘яснение, даваемое им ходу истории, в действительности — совсем не об‘яснение. Возьмем определенный пример. Каждый историк признает, что король Фридрих II Прусский[8]) был значительным человеком. Среди его преемников Фридрих Вильгельм III пользуется славой ограниченного,

неделового человека. Личные свойства обоих королей должны были — в большей части по крайней мере — быть причинами хода прусской истории их времени: так как Фридрих II был человеком значительным, он пожинал успехи в войне и в мире; так как Фридрих Вельгельм III был человеком посредственным, большая часть его предприятий не имела успеха. Но откуда все-же мы знаем что-либо о значительности одного и посредственности другого? Из чего мы делаем этот вывод? Опять-таки из их успехов или неудач! Так как царствование Фридриха II было удачно, мы называем его значительным и обратное заключение делаем о его преемнике. Дело сводится, таким образом, к тому, что мы постоянно „об'ясняем" одно другим; но это совсем не об'яснение, это то, что называется в науке „тавтологией". Это означает — дважды сказать одно и то же различными словами. Это — точно так же, как если бы мы хотели сказать: земля есть шар, потому, что она кругла. Это бессмыслица, так как округлость земли не есть причина ее шарообразности; то и другое скорее равнозначаще; скажем ли мы, что земля — кругла, или скажем, что она — шар, получится одно и то же, но никогда одна из этих фраз не может быть об'яснением другой. Точно так же обстоит дело и с фразами: „Фридрих II был человеком значительным" и „Фридрих II правил удачно". Если бы Фридрих II потерпел по каким-либо причинам неудачи, и прусское государство его времени погибло, то историки, несомненно, подробно доказали бы нам, что этот самый человек был очень ограничен.

Само собою разумеется, что слова значительный и незначительный всегда должны пониматься относительно, то есть в смысле: он был значительнее или незначительнее — тех, которые ему противостояли. Но именно это-то и делает идеологическое об'яснение истории таким бесплодным. Ведь, согласно этому, ход истории всегда, собственно, зависел от случайностей: так как этот человек случайно имел лишь менее способных противников, он осуществлял свои намерения; в противном случае вышло бы иначе, и судьбы народов были бы другими. При чем постоянно сохраняется та ошибка, что лишь именно по успехам и неудачам мы можем заключить о большей или меньшей одаренности действующих лиц. Кто хочет иметь

пример малой удовлетворительности такого об'яснения истории, пусть прочтет „Историю отпадения Нидерландов" Шиллера. Шиллер, бывший великим поэтов и блестящим писателем, но лишь по нужде историком, обстоятельно доказывает, что при характере и способностях действующих лиц события не могли разыграться иначе, чем это случилось. Но на всем протяжении работы Шиллера невозможно отделаться от впечатления, что, случись иначе, он по ходу событий сделал бы вывод о противоположных свойствах действующих лиц и затем по их уже прямо-противоположному характеру с той же решительностью доказывал бы обратное.

К этому присоединяется, во-вторых то, что сообщения о свершонных делах нередко фальсифицируются, и что дела часто приписываются совершенно другим лицам, а не их действительным виновникам. И здесь несколько примеров могут пояснить наше замечание. Из военных писем генерала Кречмара мир узнал лет через сорок после немецко-французской войны, что действия, приписанные одному прусскому принцу[9]), были совершены совсем не им, а его подчиненными. Мы не хотим исследовать здесь, спроведливо ли это утверждение. Но налицо по меньшей мере возможность, что оно справедливо. А ведь в продолжении сорока лет не только воспевали хвалу этому принцу, но и выводили успехи из его личной храбрости, энергии, осмотрительности и т. д. Как же быть теперь с об'яснением событий, после того как обнаружилось, что принц совсем не совершал тех действий! И этот случай очень важен, ибо, как бы ни обстояло дело с данным принцем, установился обычай приписывать успехи действия тому, кому внешне принадлежало верховное командование; и, в силу этого, историк, если он случайно не знает подлинного положения вещей, вынужден придумать для этого лица всевозможные свойства, вытекающие из данных успехов. Обратный пример дает случай австрийского фельдцехмейстера Бенедека, потерпевшего, в качестве главнокомандующего северной австрийской армией, поражения 1866 года[10]). И он в течении 45 лет считался ответственным за эти поражения, приписанные его неспособности. А в декабре 1910 года появилась в „Немецком обозрении" статья, на основании дотоле неизвестного материала представляющая все дело в совершенно ином

свете. Оказывается, что подчиненные Бенедеку генералы все время действовали наперекор приказам главнокомандующего, исполняя прямое поручение венской дворянской партии, ненавидевшей Бенедека. Мы и здесь оставим в покое вопрос о том, какое из двух освещений — правильно. Но какую цену имеет об'яснение истории свойствами „великих людей", если так ненадежно и сомнительно, кто собственно совершил те или иные деяния? Впрочем, и здесь Шиллер вновь дает нам бросающийся в глаза пример. В статье о законодательстве Ликурга в Спарте Шиллер превозносит мудрость Ликурга[11]):

> „Ни один законодатель не дал когда-либо государству того единства, того национального интереса, того духа общности, какими одарил Ликург Спарту".

Между тем, усовершенствованное историческое исследование XIX-го столетия решительно доказало, что Ликург — никогда не существовавшая легендарная фигура, и что его мнимое законодательство является, в большей части по крайней мере, плодом позднейшего времени, измышленным в партийных целях для подкрепления собственных стремлений указанием на „доброе старое время". Шиллер не мог, конечно, ничего знать об этом. По состоянию исторической науки своего времени он принял за подлинный документ то, что было лишь легендой, и на этом основании построил свои выводы о проницательности героя. Но именно это означает полное осуждение всего этого способа об'яснения истории, ибо, как мы видели, одинаковая ненадежность в отношении отдельных лиц царит повсюду.

И все-же все эти сомнения — еще не самое худшее. Дело в том, что идеологическое понимание истории, будучи последовательно и полно проведено до своего логического конца, приводит прямо-таки к абсурдным и нелепым результатам.

Именно сторонники взглядов, что история „творится" вождями и потому об'ясняется их личными свойствами, именно они должны, естественно, стараться возможно больше узнать об этих лицах. Каждая деталь может здесь иметь непредвидимое значение. Отсюда — куча чисто-личных анекдотов, нередко просто сплетен в ходячих учебниках истории, и наши дети на уроках истории со всей подобающей серьезностью узнают, что немецкий наследный принц подарил в Карлсбаде бедной

женщине кошелек с деньгами, что императрица пожаловала Кассельской гимназии знамя и т. п. Но действительно ли это „исторические“ события? Более значительные и серьезные из буржуазных историков их станут отрицать, но это будет непоследовательным уклонением от логических выводов, из их же собственных предпосылок. Ибо, раз наследный принц и императрица принадлежали — по крайней мере до революции 1918 года — к лицам, пользовавшимся выдающимся влиянием на ход исторических событий, их личные свойства приобретают, по буржуазному пониманию истории, исключительно важное значение. А познать эти свойства очень часто помогают такие маленькие черточки. Возьмем, однако, другой пример. Одним из лиц, принявших живейшее и длительнейшее участие в событиях мировой истории, был, несомненно, Людовик XIV, король Франции, родившийся в 1638 г. и умерший в 1715 году. Внешне он провел блестящее царствование и пожал плоды многих счастливых войн, но вместе с тем своей бесхозяйственностью внутри, безграничным мотовством, неуважением к человеческой жизни и т. д. довел французкий народ до отчаяния и в высокой мере несет свою долю вины — поскольку вообще можно делать отдельных лиц ответственными за это — в тех обстоятельствах, которые через два поколения после его смерти привели к Великой Французской Революции.

Как же оценивает историческую деятельность этого человека буржуазный историк, исходя из своего идеологического понимания истории? Как об‘ясняет он ход французской истории? Во „Всеобщей мировой истории“ Беккера*) мы читаем:

„Так как он родился с пламенной жаждой славы, то даже разврат никогда не мог насытить его настолько, чтобы он, хотя на один миг, пренебрег собственным достоинством и честью своей нации. И вследствие того, что во всех его действиях и речах определенно сказывалась единственная цель, видеть уважение к себе, как к величайшему монарху земли, и потому что каждого, желавшего помочь ему в этом, он ободрял и великодушно награждал, — не могло не случиться, что этот дух честолюбия охватил весь народ, начавший тогда чувствовать себя

*) 3-е издание, 1892 г., 6-й том, стр. 512.

„великой“ нацией. Поэтому время Людовика XIV, как время расцвета французской культуры, составляет эпоху в истории этого народа..., и, в действительности, французская нация никогда не имела так много выдающихся людей, как во второй половине XVII столетия“.

Ход мысли у Беккера здесь совершенно логичен: так как король был честолюбив, он награждал всех, обещавших удовлетворить его честолюбие; вследствие этого, все французы старались удостоиться такого награждения и отличия, и таким образом весь народ стал честолюбив и развил свойства, ведущие к славе, и так пришел к великому духовному расцвету и — в дальнейшей последовательности — к великим историческим деяниям.

Обратное заключение, которое, естественно, точно так же должно быть верным, гласит тогда так: если бы король не родился с „жаждой славы“, он не ободрял бы и великодушно не награждал бы всех, желавших помочь его честолюбию; „дух честолюбия“ не охватил бы весь народ, и последний не поднялся бы до такого расцвета культуры, не выдвинул бы такого множества выдающихся мужей, не совершил бы таких деяний в войне и мире, не жил бы также, само собою разумеется, в таких условиях и, вследствие этого, никогда не пришел бы, пожалуй, к Французской революции. Коротко — всякий ведь знает влияние этих событий на историю других народов: весь ход мировой истории за 300 почти лет был бы другим, если Людовик XIV имел хотя бы несколько иные свойства характера!

Всякий видит, что это глупость! Тем не менее, такова последовательная логика идеологического понимания истории, сводящего ход истории к делам и характеру „великих людей“. Приемлющий первое не может уклониться от втогого! И если более значительные и серьезные из буржуазных историков и не договариваются до такого вздора, как Беккер, то они лишь увиливают от последовательных выводов из своего собственного учения. Случается, впрочем, частенько погрешить и им. Было ведь напечатано в консервативном журнале „Пограничные вести“*) в совершенно серьезной и заслуживающей внимания статье:

*) 21-го окт. 1909 г., стр. 201.

„Теолог с значительным именем в библейской критике сказал мне на днях, что он и другие с ним обнаружили, что слова „это — ты, Петр“, являются позднейшей вставкой, и прибавил: „Можно представить себе ход мировой истории, если бы не случилось этого!“...[12])

Здесь обнаруживается таким образом, что серьезные, образованные люди среди буржуазии со всей серьезностью, как и Беккер, признают правильной точно такую же высокопарную глупость. Они совершенно серьезно воображают, будто ход мировой истории изменился оттого, что какой-то неизвестный монах вписал пару слов в библейский текст! И лежащее в основе этого воззрение имеется в действительности налицо у всех даже знаменитейших буржуазных историков. Только последние, ках разумные люди, не выявляют его в его смешной крайней последовательности. В доказательство этого возьмем, в заключение, еще один пример из Теодора Моммзена.[13]) В третьем томе своей „Римской истории“ он рассказывает, что Цезарь, как и Александр Македонский[14]) до него, покровительствовал еврейству, и к этому делает такое примечание:

„Оба великих человека, естественно, не думали поставить еврейскую национальность рядом и наравне с эллинской или итало-эллинской национальностью. Но еврей был создан (на основании его мнимых свойств характера, перечисляемых в этом месте Моммзеном) для государства, построенного на развалинах сотни небольших общин и нуждавшегося в национальности, в известной мере абстрактной и заранее замкнутой“.

Вот — совершенно то же самое воззрение: „великий человек“ приложил палец к носу и задумался: как мне „сотворить“ теперь историю? И если бы человек был немножечко менее велик, или помешай ему еще какая-нибудь другая случайность, он проделал бы это иначе и мировая история сложилась бы иначе.

Кто не желает таких очевидно — абсурдных выводов, тот должен отклонить и лежащее в основе их воззрение и должен будет вместе с нами признать ложным все идеологическое понимание истории.

II.

Материальные потребности и „экономические отношения“. Их мнимое влияние на исторические события. Опровержение этого взгляда.

Когда мы, марксисты, отвергаем — по изложенным в первой главе основаниям — идеологическое понимание истории и об'ясняем ход истории другими причинами, каковые ищем в „материи“, а именно в „материальных потребностях“ людей, это вызывает горячие возражения наших противников. По их мнению, исторический материализм сводит ход истории к низменным инстинктам человека. Все действия людей — так они изображают содержание исторического материализма — определяются хозяйственными, следовательно, эгоистическими интересами; каждый человек, что бы он ни делал, прежде всего обдумывает, каким образом лучше всего извлечь при этом пользу для себя лично и согласно с этим поступает. И „великие люди“, деяния которых образуют содержание мировой истории, также думали всегда только о своем собственном интересе, и их эгоизм был вместе с тем подлинной двигательной пружиной истории. Но — продолжают наши противники — это низменное понимание, к счастью, совершенно ложно. Ибо человек создан не из одного только низменного, и более благородные чувства также живут в его груди: преданность великой цели, воодушевление добром, красотою, истиною и жертвою на общее дело, любовь к ближним, любовь к родине и т. д. Влияние всех этих благородных побуждений равным образом определяет человеческое поведение, которое, вместе с тем, не может быть сведено к одним чисто материальным потребностям, к „обжорству и пьянству“.

Не приходится удивляться, если встречаешься с таким искажением исторического материализма в повседневной агитации.

Но на него наталкиваешься и в серьезной научной литературе наших противников. Ясно, что очень легко опровергнуть то суждение, которым подменивается здесь исторический материализм. Уже поверхностнейший взгляд не только на историю (то-есть на прошлое), но и на события настоящего и повседневной жизни выясняет, что оно, это суждение, ложно. Правда, неоспоримо-правильно положение, что поведение людей в каждый данный момент направляется единственно и только заботой о собственной выгоде. Отрицать это могут только фарисеи. Что другое в самом деле могли бы еще делать люди, как не гоняться всегда и постоянно за собственной пользой! Разве не вынуждают их к тому неотступно все обстоятельства их жизни? Возьмем огромное поле человеческой профессиональной деятельности, охватывающее в конечном счете важнейшую и наибольшую часть всей человеческой деятельности. Чем занимаемся все мы без исключения день-деньской, мы, каменьщики или слесари, врачи или адвокаты, купцы или директора банка или политики? Зарабатыванием денег, то-есть заботой о непосредственной личной хозяйственной пользе. И нам пришлось бы худо, если бы мы не пожелали делать это. Надо было бы быть о ч е н ь осторожным в выборе своих родителей, чтобы иметь возможность посвятить—без риска погибнуть—хотя бы только значительную часть своего времени какой-либо другой, а не чисто-хозяйственной деятельности. Таким образом, если бы речь шла о том, чтобы охарактеризовать совокупность нынешних жизненных условий в одном коротком и метком положении, то лучше всего достигнуть этого утверждением: каждый стремится к собственной пользе. И кто делает вид, что не верит этому, тот занимается пустым пусканием пыли в глаза.

Однако, коротко и метко характеризовать современные обстоятельства—одно, а об'яснять ход истории—другое. Ложью было бы отрицание того, что стремление к собственной пользе заполняет наибольшую часть человеческой деятельности, такою же будет ложью оспаривать, что кроме него действуют и другие соображения. П о ч т и все люди неотступно озабочены собственной пользой, за немногими все-же исключениями; массы думают п о ч т и исключительно и п о ч т и всегда о своих хозяйственных заботах, но пару свободных часов

имеет в конце-концов каждый, и тогда он может отдаться иным соображениям и мыслям. Итак, некоторые исключения и ограничения должны быть отмечены. Их достаточно, однако, чтобы сделать непригодным, в качестве об'яснения истории, вышеупомянутое положение, столь правильно освещающее обстоятельства момента. Если не все людские дела проистекают из хозяйственного интереса, то по всей справедливости возможно утверждение, что именно исторически-значительные события были такими исключениями. Не могут ли как-раз лица, сыгравшие роль в истории, оказаться такими благородными характерами, поднявшимися над низменными побуждениями масс? И, в самом деле, кто станет отрицать, что среди них найдется несколько светлых личностей! И в литературе наших противников проходят пред нами все мученики прошлого, предпочитавшие страданья, изгнание и смерть измене своему делу, своим убеждениям, начиная от христианских мучеников, посланных на сожжение, в качестве живых факелов, императором Нероном [15]), и в продолжение ряда столетий через Яна Гуса [16]) и Джордано Бруно [17]) вплоть до нынешнего дня. Стоило им лишь отречься от своей веры, и они могли бы жить в блеске и радостях. Но нет, их воодушевление оказалось сильнее, и они устояли против соблазна хозяйственной пользы. И даже в наших собственных рядах выискивают свидетелей против нас. Разве нашему Вильгельму Либкнехту [18]) не предлагали больших сумм, чтобы он согласился стать наемным писакой правительства? И не стоит ли постоянно еще и теперь каждый коммунистический редактор и агитатор одной ногой в тюрьме, а то и пред еще худшими опасностями — весьма в ущерб своей хозяйственной пользе? И вот Лейпцигский профессор Пауль Барт с триумфом делает из подобных рассуждений следующий вывод*):

„...И при всем своем искусстве одного лишь не могут об'яснить марксисты: почему приверженцы различных верований, члены различных сект даже и в том случае остаются верны своим убеждениям, когда это не только не содействует их экономическим интересам, которые яко-бы руководят ими, но даже в высокой степени противоречит".

*) Пауль Барт. „Философия истории, как социология". СПБ. 1902 г. Стр. 293.

Приходится удивляться, встречая подобные соображения в серьезном научном труде. То, что мы сейчас рассказали об исторических деяниях, идущих вразрез с собственными интересами их героев вполне понятно и очевидно, и, собственно, следовало бы довериться нам, марксистам, знающим все это. И если мы, тем не менее, остаемся сторонниками исторического материализма, не следовало ли профессору Барту не радоваться легкому опровержению, а лучше поставить перед собой хоть раз вопрос, не приписал ли он, в конце концов, нашему пониманию истории что-либо совершенно иное, чем то, что в нем действительно заключается.

* * *

Если, таким образом, представление об историческом материализме, создающееся у большей части наших противников, ложно в своей основе, то нередко в наших собственных рядах наталкиваешься на взгляды, едва ли менее превратные. По этим взглядам, исторический материализм об'ясняет все „экономическими отношениями“,— события прошлого так же, как и события настоящего, как и будущее. Конечно, эта мысль — гораздо выше того, что вкладывают в исторический материализм противники. По ней, причинами исторических событий не являются случайные свойства характера вождей или даже их скоропреходящие капризы и настроения, но воля вождей, как всех вообще людей, оказывается, в свою очередь, зависимой и определяемой хозяйственными обстоятельствами эпохи. Из мелочных происшествий момента движущая пружина истории переносится в большие совокупности отношений.

При всем том, и это воззрение не может выдержать более углубленной критики.

Прежде всего остается ведь слишком неопределенным и расплывчатым, что собственно должно означать выражение „экономические отношения“. Хозяйственное положение отдельного человека? Несомненно, часто так думают. Человек, как известно, является продуктом обстоятельств: его воззрения меняются вместе с его внешним положением. Не наблюдалось ли достаточно часто, что яростный революционер в дни своей нищеты постепенно, по мере улучшения

своего жизненного положения, приобретал все более мягкие воззрения? Так, пожалуй, и представляют себе дело, когда говорят, что „экономические отношения“ определяют ход истории. Это понимается тогда так, что на основании своего временного внешнего положения люди имели определенные воззрения и взгляды и в согласии с этими воззрениями и взглядами действовали.

Но такого рода мысль, очевидно, совсем уж не так сильно отличается от взгляда противников. По ней, равным образом, ход истории оказывается направляемым идеями людей. В зависимости от того, думают ли люди благородно или неблагородно, они действуют и „творят“ добрую или злую историю. Правда, идеи, из коих возникают деяния, ставятся здесь значительно шире и выводятся из жизненного положения действующих лиц, но не зависит ли это жизненное положение, с своей стороны, от тысячи случайностей? Так, на ход мировой истории оказало бы величайшее влияние получение, например, одним из героев в решительный момент богатого наследства или его богатая свадьба, и мы пришли бы к тому же абсурду, как и при идеологическом понимании истории.

Таким образом, мысль, что материальное положение отдельных людей создает движущую пружину мировой истории, должна быть совершенно оставлена. Но вот, более глубокомысленные представители этого взгляда возразят нам, что они думают совсем не так и что под „экономическими отношениями“ они понимают общее экономическое положение эпохи. На ход истории решающе влияет не хорошее или дурное положение отдельного человека, но соединенные обстоятельства производства и потребления и вытекающие из них личные и материальные отношения между всеми людьми; из них вырастают общие интересы и противоречия интересов, возникают столкновения интересов между различными народами, а внутри народов образуются различные группы, классы, с их частью общими, частью противоречивыми интересами, и из совокупности этих противоречей и взаимосвязей рождаются исторические события: войны, союзы, законодательства, изобретения и открытия, расширение сельского хозяйства, промышленности, торговли и т. д.

Это, конечно, уже много более толковое понимание, делающее возможными кое-какие разумные мысли. Но где же доказательство? Недостаточно ведь выставить такое само по себе очень разумное утверждение, но нужно также доказать его правильность на самой истории. До сих пор, однако, не сделано ни одной попытки в этом направлении. Как часто читаешь утверждение, что те или другие исторические события были следствием „хозяйственных отношений“, „общего экономического положения“, „хозяйственного развития“ и т. д. Но где до сих пор было в отдельных случаях точно показано и доказано, как выросли эти события из „экономических отношений“?*) Кажется даже, что по крайней мере для ряда очень важных событий подобное доказательство и не может быть приведено.

Остановимся на определенных примерах. Можно думать, что великая война, скажем, 1870-го или 1866-го года возникла в результате общего экономического положения эпохи. Конечно, как уже отмечалось, одной возможности недостаточно. Представители понимания истории, согласно которому события являются следствием хозяйственных отношений, должны со всею точностью показать, как война, например, 1866 года выросла из общего экономического положения тогдашнего времени. До сих пор никто не сделал этого. Даже допустив, что это удалось, мы тем самым далеко еще не оказываемся у цели. Для истории важнее самой войны ее исход, — то, что Пруссия выиграла ее, а Австрия проиграла. Ибо лишь из этого вытекли исторические последствия. Исход войны зависел, как известно, от успеха отдельных битв и в особенности — решительного сражения при Кениггреце. Таким образом, кто хочет экономически об'яснить ход истории, тот должен доказать, что победа пруссаков при Кениггреце была результатом экономических причин. Кто мог бы рискнуть взять на себя такую задачу? В действительности исход сражения зависел от целого ряда случайностей и — в особенности — от возможности армии прусского наследного принца обойти австрийцев.

*) Недавно появилось несколько таких попыток относительно возникновения мировой войны в 1914 году.

> „Численно значительно более сильные",— повествуют „Всеобщая мировая история" Вебера*),— и защищенные самым своим расположением, австрийцы оказывали успешное сопротивление и наносили страшный урон наступавшим пруссакам своей прекрасной артиллерией с сплошь нарезными орудиями. Особенно левое крыло первой армии находилось в крайне затруднительном положении. Вряд ли могли бы пруссаки противостоять превосходным силам противника, если бы в решительный момент на поле сражения не появился с севера кронпринц с войсками, стоявшими в Кенигингофе и в Арнау. Пруссаками уже овладевало такое чувство, что сражение принимает неблагоприятный для них оборот. В этот момент донесся со стороны Иозефштадта гром вновь введенных в линию боя орудий: прибыл кронпринц с четырьмя свежими корпусами."

Как сомнительно обстояли до того дела, доказывает тот факт, что в прусской главной квартире уже со всей серьезностью подумывали об отступлении:

> „С большим беспокойством часами ожидали в Дубе, где находился король, прибытия кронпринца. Ибо армия Фридриха Карла была так истощена шестичасовым боем с сильнейшим врагом, что к полудню вокруг короля обдумывали, не целесообразно ли оттянуть войска на правый берег Быстрицы."

Таким образом, стоило бы армии кронпринца достичь своей цели всего лишь двумя часами позже, и вместо прусской победы произошло бы страшное поражение. Какие это имело бы последствия, легко видеть: Австрия не была бы выключена из Германского Союза, а позднейшее образование Германской империи, если бы оно вообще состоялось, произошло бы совершенно иначе; коротко,— все политическое положение последующего времени было бы другим. А как легко мог прусский кронпринц быть задержан в своем походе или отклонен в сторону! Все сосредоточивается, следовательно, на вопросе: поддается ли об'яснению экономическими отношениями своевременное прибытие армии кронпринца на поле битвы. Этого никто, конечно, не будет утверждать серьезно. Но тогда и прусская победа не подлежит

*) Том 18, ч. II, стр. 265.

об'яснению экономическими отношениями, как и исход войны вообще и, следовательно, и дальнейшие политические события и то, как складывались условия германского государства вплоть до сегодняшнего дня.

То же самое, естественно, сохраняет значение и для всех остальных исторических событий.

Возникновение тридцатилетней войны[19]) может быть выведено из экономических причин, хотя этого до сих пор (вновь и вновь приходится подчеркнуть) и не сделано.

Но то обстоятельство, что 6 ноября 1632 года дело дошло до сражения при Люцене между Валленштейном и Густавом Адольфом, и что в этом сражении шведский король был убит, ни в коем случае не вытекает из экономических причин.

И все же смерть шведского короля в это мгновение была важным событием и имела большое значение для дальнейшего хода войны, а, следовательно, и для позднейшего положения вещей в Германии.

Ясно, что такие отдельные факты ни в коем случае не могут быть выведены из экономических причин именно потому, что их корни — не в экономических отношениях.

Таким образом, приходится отвергнуть понимание истории, стремящееся об'яснить исторические события только экономическими отношениями, столь-же решительно, как и идеологическое понимание.

Что, впрочем, исторический материализм и не понимается так наиболее выдающимися представителями его, показывает обсуждение Эмской депеши. В своей известной брошюре Вильгельм Либкнехт упрекает Бисмарка[20]) в том, что тот подделал в 1870 году депешу прусского короля из Эмса и тем вызвал войну. Между тем, ясно: если бы исторический материализм утверждал, что все — или по крайней мере все важные — исторические события возникают из экономических отношений, то это должно было-бы в первую очередь быть верным и для такого выдающейся важности события, как война 1870 года; но, если эта война возникла из хозяйственных отношений, то она должна была произойти во всяком случае, а потому безразлично, как именно редактировал Бисмарк депешу. Никогда нельзя было бы приписать ему вину возникновения

этой войны, раз эта вина должна быть возложена на хозяйственные отношения. Отношение Либкнехта к Эмской депеше показывает, следовательно, что и в его понимании исторический материализм никоим образом не стремится об'яснить исторические события только экономическими отношениями, а имеет другой смысл, иное содержание.

III.

Что в истории требует „об‘яснения“? О причине и действии.

Так нам и не удалось, несмотря на все усилия, об‘яснить ход исторических событий. И идеологическое и материалистическое понимания оказались неудовлетворительными.

Это, однако, совершенно не удивительно. Напротив, иначе и не могло быть. Этот совершенно отрицательный результат можно было-бы предусмотреть, хорошенько обдумав все заранее.

Ибо, что мы делали до сих пор? Мы добросовестно измучили себя в поисках об‘яснения отдельных событий мировой истории. И именно на это направлены все усилия тех, кто обычным порядком защищает или идеологическое, или материалистическое понимание истории.

Но отдельные события вообще не могут быть „об‘яснены“. На первый взгляд это утверждение кажется странным. Но оно станет, однако, понятным, как только мы поставим себе и тщательно продумаем вопрос, что собственно означает слово „об‘яснить“.

В обычном словоупотреблении под ним разумеют: наметить причину. Таким образом, поскольку в нашем случае речь идет всегда об определенных явлениях „об‘яснить“ означает — наметить причину данного явления. И „причиной“ считается то, что послужило поводом к явлению, что вызвало, создало его.

Например: на биллиардном столе лежит совершенно покойно шар. Но вот подкатывается другой шар, толкает первый и последний тотчас начинает двигаться. На вопрос, почему он пришел в движение, ответ гласит: потому что другой шар толкнул его. Явление получило — для обычного словоупотребления — „об‘яснение“. Толчек, полученный от второго шара, был „причиной“ движения первого шара.

А теперь продумаем совершенно точно все дело. Действительно ли мы узнали что-либо новое с помощью всех этих слов и фраз? Действительно ли мы узнали „причину“, то-есть то, что создало, вызвало движение? Действительно ли мы знаем теперь, почему шар начал двигаться? Нет, мы знаем лишь, что с толчком второго шара началось движение первого. То-есть то же самое, что мы уже — и без всякого „об‘яснения“ — видели. Что собственно произошло между двумя шарами, и каким образом движение второго передалось первому, этого мы не знаем и не узнаем и из приведенного „об‘яснения“.

Для практических целей это, естественно, совершенно безразлично. Совершенно достаточно знать, что без толчка шар остался бы лежать покойно. Однако, при желании добиться ясности по существу, — а мы скоро увидим, как необходима она — должно со всей остротой разграничить „потому что“, так бесконечно часто употребляемое в повседневной жизни, ибо оно совсем в сущности не есть „потому что“, а лишь простое „что“. Мы знаем, что шар начинает двигаться, получив толчек, но мы никак не знаем, почему это происходит.

Другими словами: „причин“ в смысле обычного словоупотребления мы не знаем и ничего также, вследствие этого, не можем „об‘яснить“ — опять-таки в смысле обычного употребления этого слова.

В этом ходе мысли не заключается никакой трудности. Но тому, кто слышит его впервые, он представляется, как правило, таким странным, что было бы полезно еще немного осветить его.

Большею частью законы природы рассматриваются несведущими в этом людьми, как совокупность „причин“ в обычном смысле этого слова. Свободно висящее тело, — скажем, камень на подмостках, если принять подставку, — падает на землю. Почему? Потому что земля притягивает его. Так говорит большинство и, как правило, совершенно ничего при этом не думает. Но что собственно делает земля, „притягивая“ камень? Пользуется незримой веревкой? Внимательнее вдумавшись в это, мы признаем, что здесь происходит то же, что с двумя биллиардными шарами. Что собственно совершается между землей и камнем, мы не знаем. Действительно и

достоверно мы знаем лишь, что свободно висящий камень падает вниз. Причина, почему это происходит, нам совершенно неизвестна. Естественный закон тяготения не намечает нам никакой причины. Еще менее — вопреки поверхностному представлению большинства — составляет он сам эту причину в том смысле, что он, так сказать, заставляет предметы соотноситься так, а не иначе. Он дает нам лишь справку о том, в каком соотношении один к другому они находятся, но ничего не может сказать нам о соответственном „почему".

„Законы природы находятся не вне вещей или над ними, но в них и являются исключительно выражением их фактического соотношения. Действительно, ничто не заставляет вещи быть иными и в ином соотношении, чем это заложено в их собственной природе. Не сила притяжения земли и не закон тяготения удерживают луну в ее пути вокруг земли, но в этом сказывается в действительности, так сказать, ее собственная добрая воля; если бы она однажды оставила свой путь и приняла другое направление, ей ничего не сделали бы ни земля, ни закон тяготения... И то же самое — повсюду: законы природы не вынуждают вещи, но являются выражением их внутреннего соотношения. Они не об‘ясняют, почему вещи находятся в таком-то соотношении между собой, но говорят лишь в общих формулах, в каких соотношениях находятся эти вещи между собою. Законы природы — не разрешение загадки, но они сами являются загадкой".*)

Из всего этого мы во всяком случае должны принять то, что „причины" в смысле обычного словоупотребления совершенно не известны нам, и что мы, вследствие этого, не в состоянии также давать „об‘яснения" в ходячем смысле этого слова.

Тем не менее, и в науке говорят все-таки о „причинах" и „об‘яснениях". Вся задача науки в конечном итоге состоит все-же лишь в том, чтобы доставлять нам об‘яснения в области ли природы, или в области человеческого общежития. Очевидно, наука связывает со словами „об‘яснение" и „причина" другой смысл, чем повседневное употребление их. Каков же этот смысл?

*) Фридрих Паульсен. „Введение в философию", Берлин. 4-е изд. 1896 г., стр. 222.

Научная работа состоит прежде всего в наблюдении. Мы остановимся сначала на науках естественных, как представляющихся наиболее ясными. Естествоиспытатель наблюдает явления, т. е. происходящие в природе движения. Но он не ограничивается однократным наблюдением определенного явления, а, в зависимости от того, как часто это явление повторяется и поддается наблюдению, проделывает его (наблюдение) часто, — десять, сто, тысячу раз. И что особенно интересует исследователя, это — сопровождающие обстоятельства, при коих совершается явление. Само собою разумеется, что они меняются. В одном случае явление сопровождается одними обстоятельствами, в другом — иными. И вот, внимание исследователя направляется на то, чтобы установить, нет ли среди сопровождающих обстоятельств таких, которые бы всегда вновь были налицо. Он наблюдает, например, десять, двадцать или тысячу раз, как свободно висящее тело падает на землю, и точно отмечает все обстоятельства, сопровождающие это падение. Среди них найдутся такие, которые имели место лишь один раз, при одном только падении, как, например, принятие кем-либо подпорки из под тела. Другие обстоятельства окажутся повторяющимися чаще: температура воздуха, плотность и влажность воздуха, состояние и вес самого тела и т. д. Наконец, некоторые из сопровождающих обстоятельств будут повторяться всякий раз: факт свободного висения тела, скорость приближения к земле и другие.

Если удается выявить такие всякий раз повторяющиеся сопровождающие обстоятельства, тогда признают, что при стечении всех этих обстоятельств и в будущем всегда будет повторяться такое явление, а совокупность этих регулярно повторяющихся сопровождающих обстоятельств называют „причиной“ этого явления. „Закон природы“ — не больше, чем формула, возможно короче выражающая, что при стечении таких-то и таких-то обстоятельств наступает такое-то определенное явление.

Итак, мы в сущности знаем не больше того, что при стечении известных обстоятельств до сих пор постоянно

наступало определенное явление. Дальше этого наше знание не идет. Мы заключаем из этого, что и в будущем будет точно так же. „Создают“ ли, „дают ли толчек“ „вызывают“ ли эти обстоятельства данное явление, об этом мы не можем сказать ничего, это недоступно нашему познанию. Поскольку, однако, ясно это тонкое и все-же в высшей степени важное различие, не будет, естественно, никакого вреда, если для совокупности постоянных сопровождающих обстоятельств мы применяем удобное название „причина“ и говорим в дальнейшем: как только удается открыть „причину“ (в этом смысле слова),— явление „об‘яснено“. Другого и далее идущего об‘яснения нам, людям — до сих пор по крайней мере — не дано.

Этот ход мысли действует на впервые ознакомившегося с ним, быть может, смущающе. Но лишь в самом начале. Хорошенько, тщательно продумав его, не только убеждаешься, что он правилен, но и познаешь также истинную сущность научно-исследовательской работы. Она имеет целью открыть среди смущающей множественности и разнообразия отдельных явлений некую закономерность (правильность); среди многих разрозненных обстоятельств, сопровождающих каждое отдельное явление, она стремится обнаружить общие обстоятельства, то-есть такие, которые оказываются налицо не раз и не несколько раз, но всякий раз, всегда. Задачу научного исследования можно выразить, как поиски порядка в беспорядке, закономерности в многообразии, общности — в разрозненном.

Легко понять, что лишь такая научная работа имеет смысл и цель. Лишь отыскивая такие закономерные связи, дающие право предполагать, что они будут налицо и в будущем, она доставляет человеку материал познания, с помощью которого он может улучшить свою жизнь и сделать ее более красивой. Если бы наука захотела удовольствоваться наблюдением и описанием отдельных явлений, она в лучшем случае служила бы для удовлетворения более или менее праздного любопытства. Может быть очень интересным, как движется по небу и как выглядит одна какая-нибудь звезда; но, лишь узнав, в какой закономерной связи находится ее движение с движением других звезд, мы можем извлечь из этого пользу для мореплавания и — в особенности — для расширения наших

познаний в математике, физике и т. д., опять-таки приносящих нам пользу и в другом отношении.

Другими словами: научиться чему-нибудь мы можем лишь из такой науки, которая доставляет нам знание закономерных связей. И научный „закон“ — это формула, наивозможно сжато и ясно выражающая какую-либо существующую в мире закономерную (правильную) связь.

Если, следовательно, „об‘яснение“ состоит в том, чтобы среди многочисленных различных обстоятельств, сопровождающих каждое отдельное явление, выискать и поименовать те обстоятельства, которые всегда до сих пор повторялись при том же самом явлении (и, вероятно, всегда будут повторяться при нем в будущем) и которые, говоря вульгарно, „произвели“ данное явление, если „об‘яснение“ состоит именно в этом,— то ясно, что отдельное (единичное) явление, никогда не повторяющееся, вообще не может быть об‘яснено. Но таково положение вещей именно в истории. Если я сегодня наблюдаю падающий с лесов камень, завтра — падающий с неба метеор, послезавтра — луну на ее пути вокруг земли, затем — парящую в воздухе птицу и т. д., то очень легко распознать, что в основе своей — эти явления однородны. Можно даже ограничить наблюдение одними только падающими камнями и повторять это явление тысячи раз так часто, как только пожелаешь. Напротив, битва при Люцене[21]) разрушение Карфагена[22]), законы Цезаря и Александра о евреях, смерть Густава Адольфа[23]) — все это события, которые случились лишь один единственный раз и не повторятся во-веки. Здесь нужно, следовательно, заранее оставить всякую надежду на открытие в отдельных сопровождающих обстоятельствах единичного случая чего-либо общего, что делало бы понятным для нас позднейшие события. История — в таком понимании — состоит из одних лишь единичных случаев.

Этим путем мы пришли как-будто бы к результату, что научная обработка истории—невозможна. Ибо задача науки, как мы выше видели,— отыскивать общее в разрозненном и сжато выражать его в форме „законов“, как это делает, например, естествознание. Но в истории, поскольку она представляет собой нагромождение единичных событий, нет ничего

общего, но лишь разрозненное. „Исторических законов“ не существует, и, следовательно, нет исторической науки.

И действительно находятся историки, и притом среди лучших историков, делающие этот последний неумолимый вывод.

Так, например, берлинский профессор Ганс Дельбрюк пишет: *)

„Сущностью подлинного занятия историей является чистое наблюдение. Не существует никаких исторических законов...“

Нельзя все-таки уйти от сознания, что это — весьма неутешительный вывод. Ибо как же тогда научиться чему-либо из истории? Если дело обстоит так, как смотрит на него Дельбрюк, то занятие историей вряд-ли существенно отличается от чтения романа или слушания рассказчика сказок. Действительно, Дельбрюк не останавливается перед тем, чтобы высказать и эту мысль:

„Извлечение из истории указаний, применимых к практической жизни, не является целью историка. Из истории нельзя вывести никаких правил поведения.“

Необходимо, впрочем, прибавить, что Дельбрюк не действует по этому бесплодному рецепту в своих собственных книгах там, где он не *говорит* об истории, а *работает* над ней, исследуя и изображая. Напротив, в лучших своих трудах он ни в коем случае не ограничивается одним лишь простым описанием единичных происшествий, но постоянно стремится обосновать исторические связи. В действительности его писание истории, как и у всякого серьезного историка, больше всего сводится именно к тому, чтобы, учась у истории, извлечь из нее правила для нашего практического поведения в настоящем. Правда, эти стремления часто **) принимают очень странную форму. Какое получаешь странное впечатление, когда читаешь у *Онкена* [24]) или у *Лампрехта* [25]) целые страницы рассуждений о том, была ли правильной или ложной, умной

---

*) *Дельбрюк.* „Правительство и народная воля“, Берлин, 1914 г., стр. 4. В том же смысле говорит *Адольф Бауэр* в „Исследованиях греческой истории“ (Мюнхен 1899. Введение, стр. 13 — 18). Бауэр все-же протестует против того, что этим у истории будто бы отнимается характер науки. Это, по его мнению, скорее случилось бы из-за принятия законов общего значения.

**) Правда, не у Дельбрюка, — как нужно прибавить во избежание недоразумений.

или глупой политика того или другого, уже сотни лет умершего короля? Что пользы нам в этом? Мы ведь не попадаем ныне больше в такое же положение, как тот король, чтобы иметь, пожалуй, возможность избежать, благодаря чужому опыту, повторения ошибок. Совершенно независимо от того, что постоянно остается еще под вопросом, не были ли критикуемые таким образом личности вынуждены общим своим положением совершать ошибки, даже сознавая это не хуже своих запоздалых критиков? Даже способнейший человек большею частью не может делать то, что советует ему его сознание, но вынужден применяться к обстоятельствам, в которые он попадает. Очевидно, историки, так пишущие историю, находятся на совершенно ложном пути, к которому их, конечно, равным образом приводит вынужденное положение. Их здоровое чутье серьезных историков не мирится с тем, чтобы в истории нечего было „об'яснять", и чтобы в ней нечему было поучиться. Поэтому они отвергают вывод Дельбрюка и действуют в направлении, выраженном напр., Бидерманном*) в следующих словах:

> „Здесь мы могли бы закончить наше изображение событий (с 1863 до 1864 г.), если бы история имела дело исключительно с изложением фактов. Но ее задача — выше: она должна стремиться исследовать и мотивы действующих лиц и добросовестно испытать их правильность".

Это — единственное, что могут делать люди, исходящие из идеологического понимания истории: находить „причины" и об'яснять ход истории.

Но, если история состоит из единичных только событий, между которыми не существует никаких связей в выше выясненном смысле, и следовательно, если она не дает никакого материала для научной обработки, никакой возможности отыскивать общее в разрозненном,— то каких еще связей следует тогда искать в ней?

---

*) Карл Бидерманн. „30 лет немецкой истории". Бреславль, 1896 г. т. 2. Стр. 396.

IV.

Понятие общественного изменения.

Мы привыкли с юношеских лет видеть в истории лишь события: битвы и войны, законодательства, изобретения, открытия и т. д. И, конечно, ни один разумный человек не станет отрицать, что события как таковые относятся к истории. Но составляют ли они одни все содержание истории? Не относится ли к ней еще что-нибудь? Для лучшего выяснения возьмем опять-таки определенный пример.

Французская революция, начавшаяся в 1789 году, занимает в истории большое и важное место. Чем была она? Несомненно, рядом событий, начиная с штурма Бастилии, через низложение и казнь короля и до создания наполеоновской империи. Кто, однако, хочет понять эти исторические события, которые мы коротко называем Французской революцией, тот спрашивает об их причинах. И тогда оказывается, что насильственный государственный переворот, превративший сначала королевство в республику, а затем вновь республику в империю, возник непосредственно из расстройства государственного управления: правительство было лишено возможности добывать необходимые ему деньги, несмотря на то, что при Людовике XVI, вступившем на трон в 1774 году, все время назначались новые министры финансов, и среди них были способнейшие люди (напр.: Тюрго[26]) и Неккер[27]), оба известные знатоки политической экономии). Откуда проистекало это стеснение в деньгах, имевшее естественным последствием застой и беспорядок во всем государственном управлении? Отчасти из отвратительной бесхозяйственности королевского двора при прежнем короле Людовике XV (1715—1774 гг.).

„При Людовике XV, — рассказывает Вильгельм Блосс в своей истории Французской революции, — развращенность двора достигала высшей степени, и мотовство

государственных доходов на фаворитов и кокоток становилось безумным... Было бы интересно сделать сводку сумм, которых стоили Франции правящие фаворитки при двух Людовиках (XIV и XV). Они невероятно велики. Одновременно велись неудачные войны, народные тяготы и налоги возростали, массы все более впадали в нищету. Когда Людовик XV умер, за гробом его неслись проклятия народа".

Однако, эти обстоятельства лишь отчасти об'ясняют возникновение революции и еще меньше — ход ее. Чтобы справиться с этим, было бы ведь достаточно ввести упорядоченное и бережливое управление, как хотел и пытался сделать Людовик XVI. Почему оно не удалось ему? Почему революция перешагнула через него и вообще поставила государство на совершенно другие основания? Это имело свои корни в изменившейся общественной обстановке французского народа. Государственное устройство было еще приспособлено к прежним, давно превзойденным обстоятельствам. Отношения, в которых различные классы стояли друг к другу, изменились и не вязались более со старым государственным порядком. Именно это делало тщетной всякую попытку устранения бесхозяйственности и толкало все дальше и дальше, однажды пришедшие в движение, народные массы.

„Мы видим сначала,— пишет Блосс — привилегированные классы в борьбе с нуждающимся в деньгах двором и вместе с тем начало великого переворота, который не мог остановиться, так как за прекращавшим свое движение классом всегда следовал новый, идущий далее, класс. Борьба привилегированных с двором привела в движение все мещанство, все третье сословие, в результате чего привилегированные тотчас же об'единились с тем самым двором, с которым они только что вели борьбу. Крупная либеральная буржуазия выступила новой силой на арену борьбы, отменила родовые и сословные привилегии и создала конституцию 1791 года, которой мечтала утвердить новое буржуазное общество. Но средние и низшие слои мещанства, как и пролетариат, видели в этой конституции свои интересы оставленными в тени и домогались

демократии. Едва вспыхнула борьба, как сторонники конституции 1791 года вместе с представителями крупной буржуазии перешли на сторону двора, у которого вырвали перед тем конституцию. Демократическое мещанство, как могущественнейший и многочисленнейший класс (так как за ним стоял пролетариат), осталось победителем и свергло монархию. Буржуазная демократия (жирондисты) не могла удовлетворить требований, идущих с радикальной демократией (с партией горы) широких народных масс, и в результате произошло падение этой представлявшей „честное“ мещанство партии“ и т. д.

Эта картина ясно показывает, как ложно было бы выводить возникновение и ход революции только из стесненного хозяйственного положения широких народных масс. Не бедняки, а привилегированные сословия (дворянство и духовенство) вступили в спор с королем из-за его денежных требований и тем дали сигнал к движению, пронесшемуся потом по их же собственным трупам. Это об‘ясняется лишь таким образом, что терпевшие дотоле ущерб классы должны были привести все политическое состояние страны в согласие с общественным состоянием ее. Итак, последней и подлинной причиной Французской революции оказывается предшествовавшее изменение общественных обстоятельств, то-есть: общественное изменение.

Что надлежит понимать под выражением „общественное изменение“?

Каждый народ живет в любое время в определенном „общественном порядке“, то-есть: отдельные люди так или иначе группируются по чинам, по состоянию, по классовым признакам. Или все равны друг другу, имеют одинаковые права, одинаковое внешнее жизненное положение, одинаковое „общественное положение“, как обычно говорят. Или среди народа существуют различные классы, богатые и бедные, знатные и простые. Ясно, что в последнем случае возможны самые различные группировки: в одном народе могут существовать два или три, или еще больше класса; общественное положение последних в отношении друг друга может быть довольно одинаковым, может быть более или менее неодинаковым и т. д.

И вот, определенный классовый порядок, в котором народ живет в каждую данную эпоху, и есть его „общественное состояние“. И если это общественное состояние меняется, если, например, возникают новые классы и вклиниваются между прежними классами, или если наличные классы изменяют свои взаимоотношения, если один из них приобретает новые права, новую мощь, а другой вынуждается ограничить свои прежние права или совершенно теряет их, то пред нами — общественное изменение.

Наше рассмотрение Французской революци показало важность таких общественных изменений. Из них, как мы признали, проистек ряд насильственных событий, называемых нами Французской революцией. Таких общественных изменений было много в жизни народов. Или скорее нужно сказать: с древнейших времен и до сегодняшнего дня жизнь народов проходит в одном, непрерывном, все далее идущем общественном изменении. Куда бы мы ни взглянули, всюду мы видим в истории человечества никогда не останавливающееся „общественное развитие“. Каждый без исключения народ неустанно изменяет от одной эпохи к другой свои общественные условия: здесь происходит непрерывная смена не только политического устройства, не только королевской власти, аристократии и демократии, но и всех обстоятельств и жизненных отношений людей вплоть до мелочей их повседневной жизни. Немецкий народ, например, пережил на протяжении своей двухтысячелетней истории следующие изменения своего общественного порядка.

В первобытные времена существовали свободные и несвободные, причем о несвободных мы не имеем почти никаких сведений, а свободные, составлявшие собственно немецкий народ, были почти совершенно равны друг другу в отношении прав, обязанностей и общественного положения; у них был лишь **один** класс, из которого едва выделялись предводители, герцоги и короли. Тремя-четырьмя столетиями позже короли во франкском государстве возвысились до действительно-властного положения над свободными, — появилось общественное неравенство. Одновременно из ближайшей дружины королей выделяются, благодаря одариванию землями, крупные землевладельцы, привлекающие для обработки своих поместий прежде

всего несвободных. Но мелкие свободные крестьяне не в состоянии надолго сохранить рядом с крупными землевладельцами свою самостоятельность, и потому поступают к ним на службу, пренебрегши своей свободой, и сливаются с несвободными иноземцами-пленниками в класс вассальных земледельцев. Еще четыре-пять веков спустя, приблизительно около 900 года, образуется совершенно другой общественный порядок. Возникают города и в них преимущественно сословия ремесленников и купцов, т. е. новый класс мещан. В деревне, однако, в несвободном классе вассальных земледельцев происходит, в свою очередь, общественное расслоение: часть из них, привлеченная главным образом к военной службе, образует дворянство, другие, обрабатывавшие поля, становятся крестьянами.

Какое разнообразное общественное разделение произошло в течение приблизительно тысячелетней истории в первоначально едином классе! Но общественное развитие идет все дальше. На протяжении следующих столетий мещанство добивается все большей мощи и, наконец, ему удается свергнуть древнее, столь прочно установленное, господство дворянства и крупного землевладения и водрузить на его месте современный капиталистический, общественный порядок, в котором буржуазия с его господством над рабочим классом играет самую значительную роль.

Такие общественные изменения были вообще замечены буржуазной наукой лишь в последние десятилетия. Это весьма понятно, так как тот, кто по своему идеологическому пониманию истории усматривает движущую силу истории в характере и воле вождей, тот сосредоточивает весь свой интерес на личностях, а общественные обстоятельства представляются ему безразличными или, по меньшей мере, весьма второстепенными. Из изложенного ясно, что общественные условия и их изменения были делом величайшей важности для хода истории. Вкорне ложно принимать за содержание истории единственно и только события: общественные изменения также входят в него! Они даже — еще важнее, чем события, во-первых потому, что они только и дают толчек событиям, как равно и общественную подоснову, на которой последние разыгрываются, и во вторых потому, что их непосредственные

влияния идут гораздо дальше и глубже, чем влияния событий. Сражение под Кениггрецом было, конечно, важным историческим событием и повлекло за собой значительные последствия. Но лишь для политического устройства участвовавших в нем государств. Если бы сражение выиграли австрийцы, Австрия, быть может, стала бы первенствующей в Германском государстве, а Пруссия была бы низведена до положения небольшого союзного государства наравне с Ганновером. Германское государство, быть может, совершенно не образовалось бы или сложилось бы в существенно иной форме с императором из Габсбургов, и люди, в течение 50 лет распевавшие каждое 22 марта и 27 января „слава тебе в победном венке", должны были бы избрать для этого занятия день рождения австрийского императора, а прусского короля ругали бы так же, как теперь ругают покойного короля Ганноверского. И это — все: в остальном мы, вероятно, жили бы точно так же, как и ныне. Представим себе, напротив, новое общественное изменение. Если бы, например, удалось осуществить стремления прежней социал-демократии, если бы все классы и классовое господство были устранены, если бы вновь было создано общество из одних только свободных и равных,— не коснулось ли бы это каждого из нас вплоть до мелочей? Не были ли бы тогда все жизненные отношения насквозь иными, чем они есть теперь? Одним словом: не было ли бы это историческим явлением величайшего значения, несравненно более значительным, чем самое важное сражение?

Таким образом, мы открыли все-таки ошибку, скрытую в обычных воззрениях. Вкорне ложно думать при слове „история" всегда лишь о событиях. Конечно, события входят в историю. Но они не составляют всего ее содержания и скорее представляют менее важную часть его. Много важнее — общественные изменения.

Если сущность понимания истории состоит в том, чтобы искать об'яснения хода мировой истории, то, после приведенных пояснений и отказа от найденной ошибки, задача понимания истории ставится совершенно иначе. События вырастают из подосновы общественных изменений, конечно, это также не следует понимать так, будто, например, Густав Адольф должен

был умереть в 1632 году вследствие общественных изменений. Но Густав Адольф умер, так как его сразила пуля; его сразила пуля, так как он участвовал в сражении; сражение имело место, так как происходила война; война возникла из столкновений интересов, вытекших из классовых сдвигов того времени, то есть из общественных изменений. Само собою разумеется, что для каждого отдельного события, чтобы оно произошло, необходим был, кроме общественных изменений, еще и ряд особых обстоятельств. Несмотря на общественные изменения, несмотря на войну, Густав Адольф не был бы убит под Люценом, если бы случайно не принял участия в этом сражении, или если бы только в него случайно не попала пуля. Отдельные события не об'ясняются этим. Они вообще не могут быть об'яснены. Но — и в этом-то и дело — они и не нуждаются в об'яснении. Не имеет никакого смысла и никакого значения исследовать, почему отдельные события произошли именно так, а не иначе; не в них, ведь, важное в мировой истории. Важными, напротив, являются общественные изменения. И, следовательно, понимание истории вообще не имеет задачей об'яснение отдельных событий, но должно доставить нам ключ к уразумению общественного развития.

Елизавета Луццато *) сумела ясно изобразить эти соотношения. Она пишет:

„Отношение друг к другу обоих этих частей (классов), способ и форма господства и эксплоатации сильными, до сих пор составляющими меньшинство, многочисленной слабой части, образование и изменение внутри каждой из этих частей классовых противоречий — вот что составляет подлинное содержание того, что мы называем историей человечества. Все события и факты, о которых повествуют нам историки, представляют собой лишь внешние формы проявления перед нашим разумом и нашими глазами этих великих непрерывных изменений. Мы видим пузыри, поднимающиеся при разложении воды на водород и кислород; мы видим огонь при соединении — под влиянием световых

*) Елизавета Луццато. „Социалистические движения и системы до 1848 г.“ Вена.

и тепловых явлений — углерода с кислородом; и мы видим войны, реформации и революции, когда, вследствие изменения условий борьбы за существование, новый класс пробивается из круга слабых в круг сильных".

Согласно с этим, заранее обречено на неудачу желание так или иначе об'яснить исторические события с помощью материалистического понимания истории. Нечего удивляться, если это не удается, так как не в этом задача исторического материализма, совсем не стремящегося об'яснять события. Исторический материализм стремится об'яснить общественные изменения.

Нам остается теперь еще посмотреть, как разрешает он эту задачу, то есть: как он вскрывает причины общественных изменений?

V.

Как исторический материализм об'ясняет общественные изменения.

Совокупность общественных обстоятельств, в которых живет тот или иной народ, непрерывно изменяется. Насколько это справедливо, замечается уже при сравнении времен, совсем недалеких одно от другого. Например, при сравнении нашего времени с временем наших дедов, лет 70—80 тому назад. На первый взгляд бросается в глаза сильный прирост наших знаний (наука, техника и искусство). Но разве не изменились параллельно с этим все наши внешние жизненные отношения, наша частная жизнь на дому, наша публичная, общественная жизнь и деятельность? А как обстоит дело со взглядами на то, что — хорошо и дурно, что — справедливо и несправедливо, что — красиво и безобразно? Не думаем ли мы о многом совершенно иначе, чем наши деды? И не изменялись ли, в связи с этим, многократно и существенно также наши моральные и правовые учреждения, наши законы, например? Существенные изменения претерпели и наши религиозные воззрения и религиозное чувство вообще. Далее ясно, что способы добывания пищи (так называемые хозяйственные отношения): земледелие, торговля, мореплавание, промышленность,— стали совершенно другими, и вместе с ними — порядок собственности. То же и с военным делом. Но и в классовом строе, в том, следовательно, что называют в более узком смысле „общественным состоянием“ народа, также ясно обнаруживаются различия по сравнению с прежним. Сто лет назад в Германии принимались в соображение, как классы, преимущественно дворянство и имущее мещанство; ныне дворянство, как класс, совершенно отступило на задний план, а на переднем плане стоят мещанство (буржуазия) и пролетариат. Сдвиг во взаимоотношении классов, таким образом, настолько очевиден, что не требуется даже

говорить, насколько, наконец, изменилось за этот короткий промежуток времени политическое устройство, то-есть, распределение государственной власти между различными классами.

Итак, перед нами — непрерывный поток общественного развития, совершенно изменивший в такой короткий срок жизнь немецкого народа. Это имеет силу для всех времен и всех народов. И вот, материалистическое понимание истории стремится прежде всего к тому, чтобы историк не ограничивал более всей своей работы только событиями, но рядом с событиями обязательно исследовал и изображал и полноту общественных обстоятельств каждого века и огромное разнообразие их изменений от одной эпохи к другой.

Но здесь прежде всего встает пред человеческим умом вопрос — больше, чем в какой-либо другой области знания — „почему?“. Почему получилось именно так? Почему общественные обстоятельства вообще изменились? Почему они не остались прежними? И почему они изменились именно так, а не иначе? На этот вопрос исторический материализм дает следующий ответ.

Все общественные отношения — мы только-что видели это — мораль, право, искусство и наука, частная жизнь, порядок собственности (имущественный строй), военное дело, классовый строй, политическое устройство и т. д.— непрерывно изменяются. Но в основе всего этого лежит изменение хозяйственных отношений.

Как бесконечно отлично это от попытки об'яснения отдельных исторических событий хозяйственными отношениями! Материалистическое понимание истории не говорит: так как хозяйственные отношения в данный момент были такими-то и такими-то, должно было произойти то или иное событие. Но оно говорит: так как хозяйственные отношения данной эпохи изменились, изменились и остальные общественные отношения. Но прямо-таки по-детски — выводить отсюда тупоумное положение, будто люди всегда действовали только в согласии со своими хозяйственными интересами.

Однако, материалистическое понимание истории говорит еще больше. Ибо размышляющий разум тотчас же спрашивает дальше: благодаря чему же изменяются хозяйственные отношения?

почему же они не остаются такими, какими они однажды были? И ответ гласит: потому что с течением времени изменяются способы отвоевания людьми у природы своего пропитания. Изменяется способ производства, и это влечет за собой изменение хозяйственных отношений.

Но и тут возникает вопрос: почему же изменяется способ производства? Потому, отвечает исторический материализм, что производительность труда постоянно вынуждена рости, а это, в свою очередь, необходимо потому, что непрерывно растут материальные потребности людей.

Так в конечном итоге мы получаем сведение истории к материальному и одновременно целый причинный ряд (цепь причин и действий), выдвигаемый историческим материализмом. Обратимся теперь к рассмотрению его звеньев в отдельности.

* *
*

Материальные, жизненные потребности людей в пище, одежде, крове и т. д. непрерывно возрастали с древнейших времен и до нынешнего дня. Можно было бы и здесь вновь спросить, чем об‘яснить этот факт? Желая, однако, ограничить наши рассуждения областью истории, мы можем удовлетвориться указанием, что это — исторический факт.

Насколько мы располагаем сведениями о человеческой истории, преуспевавшие и игравшие историческую роль народы возрастали в численности от поколения к поколению. Иначе это и немыслимо, так как приостановка в росте численности народа возможна лишь в совершенно исключительных условиях. Там, где не имеет места прирост, тотчас, как правило, должно наступить обратное движение, так как по естественному ходу вещей не все дети достигают зрелого возраста и, в свою очередь, рождают детей. Таким образом, народ, который численно не возрастает непрерывно, вынужден идти вспять и в продолжении немногих поколений исчезнуть из истории.*)

*) Если внимательный читатель подумает здесь о нынешней Франции, то пусть обратит внимание на то, что — вопреки распространенному заблуждению — и во Франции размножение народонаселения не остановилось, а лишь весьма замедлено.

Поскольку вообще существовали такие народы, исторически они совершенно не могут приниматься в расчет.

Простой прирост в числе уже сам по себе означает увеличение потребностей: каждый новый гражданин вселенной нуждается в пище, платье, жилье и т. д. Но к этому присоединяется еще другое. В закономерном ходе истории каждое последующее поколение было „более культурно“, чем предшествовавшее ему. Это означает, что каждый отдельный человек более позднего времени имел больше материальных потребностей, чем каждый отдельный человек более раннего времени. В этом мы можем опять-таки легко убедиться по новейшей истории путем сравнения нынешнего времени с временем наших дедов. Беднейший пролетарий наших дней бесспорно имеет много потребностей, которых совсем не знал даже лучше обставленный пролетарий 80—100 лет назад. Достаточно вспомнить про керосин, железные дороги. А картофель, еще едва известный 100 лет тому назад, и во всяком случае служивший лишь редким лакомством для богачей! Этот рост—из поколения в поколение—потребностей каждого отдельного человека, называемый нами „прогрессом культуры“, можно установить всюду в истории.

Это основной факт, от которого—по учению исторического материализма—все в истории берет свое начало. Люди численно размножаются, и, кроме того, умножаются потребности каждого в отдельности, а вместе с тем, таким образом, происходит очень быстрое, прямо-таки стремительное умножение материальных потребностей.

Эти умножившиеся потребности должны быть удовлетворены. Должны! Это никоим образом не зависит от доброй воли людей. Невозможность добыть пищу, одежду и жилье для размножившихся людей и вообще удовлетворить их умножившиеся потребности ведет к неизбежным последствиям этого,—к голоду, болезням, страданиям, гибели.

Однако, ясно что люди в собственных интересах хотят того-же самого, что диктует им материальная необходимость. Воля людей направляется на то, чтобы отыскать средства для удовлетворения этих потребностей. Такие средства могут быть найдены лишь в повышении производительности

труда. Как мы можем достигнуть того, чтобы при одинаковой затрате труда получить больше продуктов? Это — задача, над разрешением которой люди, действительно, усердно бьются во все времена и у всех народов. Эта экономическая задача фактически предшествует всем остальным, и ею — заметим в скобках — часто непосредственно об'ясняются, особенно в древнейшие времена, политические задачи и, вследствие этого, исторические события народов.

В немецкой, например, истории по меньшей мере до 6-го столетия перекочевки племен об'ясняются непосредственно непрерывной заботой добыть пищу для размножившихся членов племени.

„Римские историки — пишет профессор Лампрехт*) — не могут найти достаточного выражения своей зависти по поводу бесконечной плодовитости немецкой нации. Леса востока казались неисчерпаемым источником людского материала... кочевая обстановка того времени позволяла в благоприятные моменты быстрое размножение населения, возросшие потребности удовлетворялись занятием новых земель. Во власти этих движущих сил протекали доисторические передвижения западно-германских племен“.

Но из этих передвижений родилось столкновение с другими племенами и народами, войны, а из войн возникло франкское государство с королевской властью Меровингов и с ним основание для всего позднейшего немецкого развития. Следовательно, и в самом узком смысле слова вся немецкая история поддается, если угодно, сведению к „хозяйственным отношениям“, а именно: к заботе о пропитании постоянно возраставшей народной массы.

Вернемся, однако, к причинному ряду исторического материализма. Чтобы поднять производительность труда, люди придумывали и применяли все новые трудовые способы и средства (орудия). Остановимся вновь на примере немецкой истории.

---

*) Карл Лампрехт. „История Германии“, т. I. стр. 298.

От кочевой жизни первобытного времени, когда германец добывал свое пропитание войной (грабежом), охотой и скотоводством, он перешел к земледелию и оседлости. В многовековом развитии земледелие становилось все интенсивнее, но, несмотря на это, оно одно не было в состоянии устойчиво удовлетворять постоянно возраставшие потребности. Из разделения труда родились ремесла, с ними торговля получила большее значение и развитие, и вместе они — при все далее идущем совершенствовании трудовых способов и орудий — все более и более повышали, до конца средних веков, производительность труда. Тогда вмешался окрепший тем временем капитал, подчинил труд своей власти и добился снова неожиданных успехов производительности, благодаря новому средству: об'единению рабочих для планомерной общей деятельности. Отдельные мануфактуры[28]) возникали уже в 14-ом и 15-ом столетиях, а с начала 16-го века они все больше становились общим явлением, и в них рабочие взаимно помогали друг другу, исполняя отдельные части общей работы, и благодаря этому опять-таки изготовляли гораздо больше продуктов, чем в прежние времена. С 18-го века получило применение новое орудие труда — машина. Известно, как колоссально подняла она производительность. Но и с начала машинного века успехи производства не останавливались ни на один миг. Пришло увеличение отдельных предприятий до исполинских размеров; пришло об'единение раздельных предприятий сначала в свободной форме картелей[29]), потом в более прочной форме трестов и, наконец, в еще до сих пор новой форме смешанных производств железной и угольной промышленности. Все — с определенно выраженной целью: производить „дешевле", то-есть с меньшей затратой труда добиваться равного или даже увеличенного результата, или — другими словами — увеличить производительность труда.

Этот краткий обзор хозяйственного развития Германии показывает, как, благодаря непрерывному стремлению к поднятию производительности труда, изменился способ производства.

Сравним пастуха и охотника первобытного времени с земледельцем франкского государства; этого земледельца —

с средневековым ремесленником, этого ремесленника — с рабочим мануфактуры 17-го или 18-го века (с его ручной работой над одной частью продукта), этого работника, наконец,— с рабочим современной оборудованной машинами фабрики,— и непрерывное изменение способа производства само бросится в глаза.

Итак, мы уже вскрыли следующие соотношения: непрерывный рост материальных потребностей вынуждает людей стремиться к непрерывному поднятию производительности труда; непрерывно применяя для этой цели все новые способы и орудия труда, они непрерывно изменяют способ производства.

Но это — лишь основа. На ней уже строятся дальнейшие и более важные воззрения исторического материализма.

Из изменения способа производства, утверждает он, вытекает изменение общественного порядка. Общественный порядок — это группировка классов в народе. Последняя изменяется, по учению исторического материализма, в зависимости от изменения способа производства. Попробуем наглядно пояснить и это учение на примере немецкой истории, при чем можно вкратце сослаться на уже сделанные в предыдущей главе указания относительно общественного развития немецкого народа.

Примитивное производство первобытного времени, когда каждый был свободным воином, пастухом и охотником, сопровождалось примитивным классовым строем. Внутри народа был лишь один класс (не считая несвободных, которые были, вероятно, военно-пленными и, следовательно, людьми чужого племени). Вызванные заботами о пропитании передвижения и войны последующих столетий создали могучее королевство и сословие крупных землевладельцев. Ставшие оседлыми земледельцы 6-го — 10-го столетий знали несколько явно-разобщенных классов и прежде всего — крупных землевладельцев и несвободных земледельцев на их землях. С ремеслами и своей, немецкой торговлею возник так же совершенно новый класс городского мещанства (буржуазии). А после того, как в новое время капитал стал решающей силой в производстве, тотчас же началось современное разделение на классы капиталистов и рабочих.

Так обнаруживается, что непрерывное стремление людей к более высокой производительности труда действует, как историческая движущая сила, а именно: как „формирующая общество“ сила. Оно образует новые классы, изменяет положение классов в отношении друг друга, одним словом,— изменяет общественный строй.

VI.

Связь между хозяйством и мышлением.

После того, как мы узнали, как исторический материализм об'ясняет общественные изменения, все существенные части учения оказываются освещенными, и мы могли бы закончить наше изложение, если бы не оставался еще один пункт, заставляющий, как правило, и друзей и противников материалистического понимания истории больше всего ломать себе голову: это — вопрос о влиянии „хозяйственных отношений“ на духовную жизнь людей. Бесконечны попытки одной стороны доказать, что (и как) человеческие мысль, чувство и воля не только, быть может, изменяются и развиваются рука об руку с изменениями способа хозяйствования, но и прямо возникают из хозяйственных обстоятельств времени. И естественно, точно так же бесконечны опровержения этого другой стороной.

Тем, кто внимательно следил за ходом мыслей нашей небольшой работы, должно было стать ясным, что этот спор — совершенно бессодержателен. Само собою разумеется, между духовной жизнью людей и хозяйственными отношениями существует связь и притом в форме, которой и упорнейший противник исторического материализма никогда не отрицал и отрицать не станет, так как она просто сама собою понятна.

Суть дела совершенно правильно выражена Генрихом Кувовым*) в следующих словах:

„По марксову материалистическому пониманию истории, политические, правовые, философские и религиозные воззрения каждой эпохи определяются временной хозяйственной структурой общества. Меняются способы, которыми

*) Г. Кунов. „Марксова теория истории общества и государства“. Берлин, 1920 г. Книготорговля „Вперед“. Введение.

исторически данное общество производит необходимые ему для сохранения и продолжения жизни материальные средства, меняется с ними также, в соответствии с новыми хозяйственными жизненными условиями, и его «идеология» (воззрения и понятия)".

В самом деле, что мы видели? Смотря по способу своей хозяйственной деятельности, люди группируются в классы. Общественное состояние народа зависит вполне и непосредственно от формы его хозяйственной деятельности. Каждый из этих классов преследует свои хозяйственные интересы. Он делает это не из корысти, но вынужденный к тому. Он вынужден делать это, чтобы жить и работать. Поскольку его работа необходима не только для его собственного существования, но и — особенно со времени существования разделения труда — для других, для общественного целого, можно сказать, что он должен защищать свои хозяйственные интересы также из чувства долга и ответственности. Благодаря защите своих интересов различными классами, созревают политические (следовательно, исторические) события. И так как почти сплошь на протяжении всего хода мировой истории наличные в каждом народе классы имели противоположные интересы, каковые они должны были стремиться осуществить в ущерб один другому, классовая борьба была всегда подлинным движущим фактором мировой истории.

Станет ли кто-нибудь отрицать или хотя бы слегка сомневаться в том, что, например, господствующие идеи того или иного времени о добре и зле (следовательно, мораль) испытывают на себе полное и решительнейшее влияние личного участия каждого в этих политических битвах? Каждый класс стремится к тому, что считает необходимым для своего существования и поддержания своего благополучия. Он убежден, что это благотворно не только для него самого, но и для всех других классов и лиц, входящих в состав народа; как мог бы он согласиться с тем, что его собственное существование вредно или хотя бы только излишне для народа в целом! Следовательно, он считает все, служащее его интересам, „добром" и „добром" не только для себя, но и для всех, добром вообще, и все, пассивно или активно противостоящее этим

интересам, он считает „злом“. А в согласии со взглядами, на „добро“ и „зло“ творятся законы. Потому никоим образом не приходится усматривать простую корысть в том, что временно господствующий класс так творит и толкует законы, как это соответствует его интересам. Он живет в убеждении, что это является наилучшим и для остальных. И такой образ мыслей заражает. Пока господство какого-нибудь класса в существенном не поколеблено, для других — не господствующих или подчиненных — классов сохраняет значение „справедливого“ все то, что диктуется законами, созданными однако не в интересах этих последних.

Пара примеров. Одним из высших основных положений справедливости, одним из столпов, на котором должно покоиться все отправление правосудия, считается ныне у нас принцип: „равное право для всех“, „судить беспристрастно“. Было бы очень своевременно исследовать, соответствует ли еще вообще этот принцип общественным условиям сегодняшнего дня. Во всяком случае уже давно множатся голоса сомнения и возражения, что все-же в каждом отдельном случае очень важны обстоятельства не только деяния, но и делателя: богат он или беден, получил ли он хорошее воспитание или рос с детства без призора, здоров ли он или болен, наследственность, в каком телесном и душевном состоянии он находится в момент совершения деяния, преследовал ли он, быть может, благородные, бескорыстные цели, требующие признания и уважения к себе, несмотря на неприятные средства достижения их и т. д. Пройди в жизнь подобные воззрения, они привели бы к тому, что одно и тоже „преступление“ различно судилось бы (и наказывалось), в зависимости от личности делателя. Очевидное приближение идеала справедливости к тому положению, которое еще и ныне представляется нам образцом всяческой несправедливости и гласит: „если двое делают одно и то же, это — не одно и то же“.

Но и отрешившись от такой картинки будущего, нельзя не признать, что во всей своей полноте принцип равного права никогда вообще не имел силы для всех. В каждом государстве еще и теперь иначе судят чиновников, совершивших при исполнении своих обязанностей наказуемые

деяния, чем остальных людей, и все находят это „справедливым“. В каждой монархии король или император — безответственен и не может быть привлечен по уголовному делу без того, чтобы это не задело слишком сильно общего правового чувства. Главное, однако, в том, что принцип равного права существует не так давно. В средние века — а для Германии это оставалось в силе до самого начала 19-го столетия — для каждого класса существовало особое право. Одно и то же деяние иначе наказывалось (а то совсем не наказывалось), смотря по тому, совершал ли его дворянин, мещанин, свободный крестьянин, крепостной и т. д. И каждый находил это „правильным“. И терпевшие оттого ущерб классы не находили в этом совершенно ничего плохого, но полностью принимали правосознание, исходившее от господствовавшего класса. Мысль о привлечении к ответственности дворянина в той же мере и пред тем же судом, что и мещанина или даже раба, была бы невероятным нарушением правового чувства всех классов и была бы воспринята, как ломка всего права, столь же тяжко, как ныне, пожалуй, нарушение принципа равного для всех права. Достаточно почитать какой-нибудь средневековый роман, чтобы увидеть это с полной наглядностью. Принцип „равного для всех права“ был в действительности выдвинут впервые буржуазией, когда она, вследствие изменения своего хозяйственного положения, начала добиваться для себя равноправного с дворянством общественного положения.

Как раз этот пример показывает с особенной ясностью, как правовые воззрения рождаются из изменений общественных отношений, коренящихся, в свою очередь, в хозяйственных изменениях. Или возьмем пример „рыцарей“, кажущихся нам, отдаленным потомкам, простыми преступниками и грабителями на большой дороге. Самим себе и своим классовым товарищам они не представлялись таковыми, как вначале не представлялись таковыми и своим жертвам — „купцам“, то-есть горожанам, перевозившим из одного места в другое свои товары. Их деяния были актами дико бушевавшей в течение веков классовой борьбы буржуазии и дворянства, в которой обе стороны были убеждены в своей правоте.

„Что представляют собою купцы, подымающие теперь так много крика о насилиях и нарушении права? Лжецы! Они проезжают по нашим дорогам, переходят через наши мосты, пасут своих коней в наших лесах, а мы должны не тянуть их к ответу, не требовать с них никакой пошлины, никаких охранных денег, как делали наши отцы. Преподносят они нам за это подарки? Благодарят они нас хотя-бы? Нет, они сдирают кожу с крестьянина и с дворянина, и к ним надо прикасаться в шелковых перчатках, иначе они подымают шум. Всякая тварь извивается и обороняется; лишь дворянин должен молчать и переносить все. Горожанин запирается в своих стенах и впускает лишь тех торговцев, которые нравятся ему и платят налоги. Князь собирает пошлины подати и налоги во все большем количестве, священник берет десятину, пожертвования, исповедальные деньги... Только мы должны быть довольны всем. Это — невыносимо“.

Такие слова влагает поэт*) около 1507 года в уста высокопоставленного дворянина, канцлера курфюрста, руководящего страной государственного мужа; этими словами последний убеждает юного классового товарища принять участие в рыцарском набеге, в благоприятном рыцарском удовольствии, состоящем в том, чтобы ночью напасть на одинокого купца и отнять у него товары. Нет ни малейших признаков, чтобы этот человек чувствовал себя неправым, преступником. Напротив, он защищает старое священное право, искони принадлежавшее его сословию, защищает существующий порядок против разрушительных нововведений. И подобное предприятие может доставить ему только почет. Это — правовая и нравственная точка зрения всего дворянства в той веками тянувшейся борьбе, и надо знать эти воззрения, чтобы понять историю того времени.

И так во все времена. Правовые воззрения находятся в постоянном потоке, в постоянном развитии. Именно поэтому требуются все новые законы. Новые отношения создают новые потребности и в области права. Но новые отношения создаются

*) Виллибальд Алексис. „Штаны господина фон-Бредова“.

непрерывными общественными изменениями. Как мог, например, мещанин средневекового города, с его богато-развитой ремесленной и торговой жизнью, считать справедливыми и хорошими законы и обычаи, совершенно и полностью рассчитанные на условия жизни, когда совсем еще не было городов и когда, следовательно, не позволяли, так сказать, мещанам даже существовать!

Конечно, никто не мог бы усумниться в этой связи права и морали каждого общества с общественными условиями, а через их посредство и с хозяйственными отношениями своего времени. Таким же образом связана с хозяйственной подосновой и остальная „идеология“: религия, искусство, семейный строй, политические идеалы и т. д. *)

---

*) Интересную попытку об'яснить происхождение религии изменениями хозяйственных отношений и созданными ими общественными группировками и передвижками предпринимает г. Эйльдерманн в книге „Первобытный коммунизм и первобытная религия“. Берлин, 1921 г.. Удалась ли эта попытка, может быть установлено лишь с помощью исследования доисторической эпохи.

VII.

Резюме. Что сказал об историческом материализме Карл Маркс.

Мы можем уже теперь резюмировать ход мыслей материалистического понимания истории:

Непрерывный рост материальных потребностей заставляет людей непрестанно заботиться о поднятии производительности труда. Это ведет их, путем применения все новых орудий и способов труда, к постоянному изменению всего способа производства. Благодаря именно этому, изменяются и общественные отношения; происходят сдвиги во взаимоотношении классов, возникают новые классы, вырастают классовые противоречия и классовая борьба, и таким образом общественные изменения дают толчек и создают почву, на которой вырастают политические события, войны, договоры, законодательства и т. д. Вместе с тем, благодаря общественным изменениям, изменяется и образ мысли людей, меняются их правовые, моральные религиозные и т. д идеи, как равно и их внешние жизненные отношения.

Творцом материалистического понимания истории, как известно, является Карл Маркс. Поэтому представляется уместным в заключение привести здесь некоторые положения из его сочинений, излагающие это учение.

В книге „Нищета философии“*) Маркс пишет:

„Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, а изменяя свои способы производства, способы обеспечения своей жизни,—они изменяют все свои общественные отношения“.

*) К. Маркс.—„Нищета философии“. Ответ на „Философию нищеты“ г. Прудона. Перевод В. Засулич.—ГИЗ. ПТБ. 1922 г. Стр. 92.

К этому присоединяется в труде „К критике политической экономии“*) следующее:

„В общественном отправлении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения — прозводственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним.

При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно научной точностью, и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются. Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе

---

*) К. Маркс. — „К критике политической экономии“. Перевод П. Румянцева. Изд. „Шиповник“. СПБ. 1907 г. Предисловие. Стр. XIII.

по ее сознанию; скорее это сознание следует об'яснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями".

Затем следующие положения из „Коммунистического Манифеста"*). В самом начале:

„История всего предшествующего общества есть история борьбы классов"

и во втором отделе „Пролетарии и коммунисты"**):

„Трудно ли понять, что с образом жизни людей, с их имущественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, их воззрения, их понятия, словом, все их сознание?"

Далее из „Капитала" ***):

„Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства остаются его факторами. Но и те и другие являются такими факторами лишь в возможности, пока остаются разобщенными друг от друга. Для того, чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры".

И, наконец, вновь из „Нищеты философии" ****):

„Те же самые люди, которые строят социальные отношения соответственно своему способу материального производства, производят также и принципы, идеи соответственно своим общественным отношениям.

Таким образом, эти идеи... столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения...

Непрерывно движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей".

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. — „Коммунистический Манифест", перевод под редакцией Д. Рязанова. Изд. „Московский Рабочий". 1922 г. Стр. 18.

**) Там же, Стр. 44.

***) К. Маркс и Ф. Энгельс.—„Собрание Сочинений", т. V (II-й том „Капитала" К. Маркса. Под ред. В. Базарова и И. Степанова). Изд. ГИЗ. Москва. Стр. 13.

****) К. Маркс.—„Нищета философии". Стр. 92.

Для понимания исторического материализма следует также особенно рекомендовать чтение соответствующих мест у Маркса в Капитале*) и у Энгельса: в его предисловии к „18-му брюмера“ К. Маркса**) и в „Крестьянской войне в Германии“ ***).

---

*) См. недавно вышедшую в издании Госиздата 2-ю часть III-го тома „Капитала“ (К. Маркс.— Капитал.— т. III, ч. II. Процесс капиталистического производства, взятый в целом.— Общая редакция Д. Рязанова и И. Степанова. Изд. Госиздата. 1923 г.), стр 327 — 328, 355 — 357, 357 — 358, 416 — 418, 423 — 424.

**) См. т. III „Собрания сочинений“ Маркса и Энгельса, стр. 131-32.

***) Ф. Энгельс.— Крестьянская война в Германии.— Изд. Госиздата. ПТБ. 1921 г Стр. 42 — 44.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Дальнейшие события немецкой истории следующие: победоносное окончание войны с Францией (сдача при г. Седане французской армии во главе с императором, заключение в 1871 г. т. н. Франкфуртского мира, по которому Эльзас-Лотарингия отошла к Германии), окончательное об'единение („железом и кровью") Германии в империю, под властью прусского короля, провозглашенного императором, создание имперской конституции, борьба с консервативным католическим духовенством и как результат ее т. н. майские законы 1873 г. (отделение церкви от государства, введение гражданского брака и пр.), рост рабочего движения, образование германской социал-демократической партии, правительственные репрессии против рабочих, издание в 1878 г. исключительного закона против социалистов, усиление милитаристских тенденций, война на Востоке (без непосредственного участия в ней Германии), созыв в Берлине большого конгресса держав (третьего в XIX в.— после Венского 1815 г. и Парижского 1816 г.) для „решения" восточного вопроса, принятие рейхстагом в 1896 г. гражданского кодекса и введение его в силу с 1 января 1900 г.

2) Суэцкий канал — морской канал, длиною в 112 километров, соединяющий Средиземное море с Красным. Прорыт в середине прошлого (XIX-го) века знаменитым французским инженером Лессепсом. Строился канал 10 лет (с 1859 г. по 1869 г.).

Сооружение этого канала имело огромное экономическое значение, в силу открытия прямого морского пути из Европы в Азию, главным образом в богатую Индию, сношение с которой до прорытия канала было чрезвычайно затруднительным, т. к. приходилось пользоваться длинным обходным путем, вокруг Африки.

Канал принадлежит компании, большая часть акций которой скуплена английским правительством.

3) Америка открыта была в 1492 г. знаменитым мореплавателем — испанцем Христофором Колумбом (1446 — 1506 г.). Значение этого события огромно: оно открыло новую эру в истории Средневековой Европы; особенно значительны его экономические последствия: присоединение к Старому Свету нового источника сырья с богатейшими залежами благородных металлов, меди, железа и разных минералов,— произвело полный переворот в его торговле и промышленности.

4) Книгопечатание было изобретено Иоганном Гутенбергом в 1436 г. До Гутенберга все бывшие в обращении книги писались от руки. Он первый стал изготовлять сначала из дерева, а затем из сплава металлов отдельные буквы (типографский шрифт), из которых составляется „набор" всего „текста". До последних дней все книгопечатание существует на основах, изобретенных Гутенбергом.

5) Генрих фон Трейчке — германский историк (1834 — 1896 г. идеалистического направления; был профессором истории в Гейдельберге и Берлине, а также членом германского парламента (рейхстага); защитник реакционно-абсолютистских интересов немецких аграриев-юнкеров. Его главное сочинение: „Германская история в XIX столетии".

6) Мария Терезия Австрийская — императрица (1717 — 1780 г.). Вступление ее на престол после смерти отца Карла IV повело к борьбе за т. н. „австрийское наследство“, на отдельные части которого заявили притязания чуть-ли не все европейские государства. Возникшая из-за этого „наследства“ война длилась семь лет (с 1740 по 1747). Главными претендентами на „наследство“ явились: Германия, Франция и Испания. Война носила характер насильственного раздела Австрии. Этот насильственный раздел достиг, наконец, того, что в 1747 г. французские войска заняли всю страну, и лишь заключение Марией-Терезией союза с русской императрицей Елизаветой — спасло Австрию от разгрома и положило конец войне. Прусский король Фридрих Великий язвительно говорил о Марии-Т., что „она плачет, но прибирает к своим рукам многое“ (намек на лицемерие вообще, в частности в вопросе о разделе Польши). Во внутренней политике Мария-Т. задумывалась над преобразованием Австрии на началах централизации и бюрократизма, с единым законодательством.

7) Борхардт в данном случае сохраняет марксову терминологию: такое (идеологическое) понимание истории у нас обычно называется идеалистическим, что одно и то же.

8) Фридрих II Великий — король Прусский (1712 — 1786), в молодости выказывал склонность к роскоши и мотовству, наделал много долгов; заключался отцом в крепость за отказ отречься от престолонаследия. Будучи королем — повел завоевательную политику (захватил у Австрии Силезию и вторгся в Чехию). В конце концов против него составилась коалиция (союз) ряда крупных держав, но Фридрих удачно и во время заключил союз с одной из них (с Россией, в лице императора Петра III), после чего коалиция распалась.

Фридрих II занимался литературой и фиолософией, был в переписке с знаменитым французским философом Вольтером. Создал первое германское законоположение, носящее его имя („кодекс Фридриха“). Оставил несколько сочинений. Сторонник крепостного права и завоевательной политики, он большую часть доходов казны, ложившихся всей тяжестью на крестьян, поглощал на увеличение и содержание войска. Но несмотря на это — его правление было временем расцвета благосостояния Германии. В старости Фридрих В. превратился в мизантропа и скупца.

Его преемник Фридрих Вильгельм II (1770 — 1840), бездарный, безвольный человек, окруживший себя льстецами и бесчестными советчиками. Июльская революция вызвала с его стороны реакционную политику. Для борьбы с надвигающимся призраком революции Фридрих III заключил т. н. „Священный Союз“ с русским и австрийским императорами.

9) Повидимому, здесь имеется в виду принц Фридрих Карл Прусский, во время франко-прусской войны (1870 — 1871 г.) командовавший второй прусской армией, которая совместно с первой армией окружила французскую крепость Мец и заперла в ней часть французской армии. В результате военных операций прусской армии при Седане и Меце — был разгром французской армии и вслед за этим крушение французской империи. Большую долю успеха этой огромной победы немецкие историки приписывали как раз храбрости и сообразительности этого принца.

10) Имеется в виду сражении при Кениггреце (3 июля 1866 г.), в котором Австрия потерпела решительное поражение и была вынуждена подписать Пражский мир, лишивший ее Шлезвиг-Голштинии,

Ганновера, Несен-Касселя, Нассау, Франкфурта, Венеции и устранивший ее от влияния в Германии и Италии. Вслед за этим Пруссией был образован Северо-Германский Союз, в котором Австрия уже никакой роли не играла, а главенство перешло исключительно к Пруссии.

11) Ликург — легендарная личность, которой прежними историками приписывалось первое законодательство в Спарте (в древности главный город Пелопонесской области, находившейся в южной части нынешней Греции). Деятельность Ликурга обычно относилась ко второй половине IX века до Р. Х.

12) Имеется в виду известная фраза, приписываемая Евангелием Иисусу Христу: "Ты, Петр (т. е. камень) и на сем камне я создам церковь мою и врата ада не одолеют ее", (Матв., 16, 18), легшая в основу папства, возглавляющего вселенскую католическую церковь.

В свое время, когда в руках папы фактически сосредоточивалась не только церковная, но и светская власть, папство имело огромное политическое значение, отчасти не утратившееся и до сих пор. Политическое-же значение римские папы приобрели, главным образом, лишь потому, что сосредоточили в своих руках ряд крупных областей и даже стран и вели своеобразную завоевательную политику (так напр., в зависимости от папы находилась основанная крестоносцами на месте Византии Латинская империя; Английское королевство, допустившее вмешательство папы Иннокентия III в дела своего государства, признавало себя вассальным; впоследствии до 1870 г. римскому папе на правах светского государя принадлежала т. н. Церковная область с Римом во главе, отнятая у него итальянским королем Виктором-Эммануилом).

В самом начале своего существования в целях усиления своего авторитета вообще и в частности — получения первенства над византийской (православной) церковью, папство вынуждено было пользоваться вышеприведенной фразой об апостоле Петре, наместником которого после его смерти в Риме об'явил себя римский папа. С тех пор римские епископы считались преемниками и заместителями апостола Петра, но Иннокентий III пошел дальше и об'явил, что папа — наместник „не какого-либо апостола или человека, а самого Христа". Эти формулы существенно помогали (как и вообще вся затемняющая массы идеология) папству в достижении его политического и теократического господства.

13) Теодор Моммзен — известный немецкий историк и археолог (1817 — 1900), был профессором в Лейпциге, Цюрихе и Берлине и членом палаты депутатов.

14) Александр Великий — величайший завоеватель в древности, завоевал древнюю Персию, Финикию, Палестину, Египет и др. государства передней Азии. Жил в IV-м веке до Р. Х. Воспитателем его был знаменитый греческий философ Аристотель.

15) Нерон — римский император (убит в 68 г.) известен своей крайней нравственной распущенностью и жестокостью. Гонение на рабов-христиан достигло при нем крайних пределов. Последние тысячами гибли на кострах и в цирках под когтями зверей.

16) Ян Гус — чешский религиозный реформатор (1369 — 1415) был сожжен на костре за свои — признанные еретическими — убеждения, осужденный Констанцким собором. После него остался ряд произведений богословского характера и многочисленные последователи (т. н. гуситы).

17) Джордано Бруно — известный итальянский философ, писатель и астроном (1548 — 1600). Оставив по убеждению Доминиканский монастырь, монахом которого он был, бежал в Женеву, а затем кочевал по Европе, читая лекции по философии. В 1592 г. он вернулся на родину, но был схвачен инквизицией, обвинен в вероотступничестве и ереси и сожжен живым в Риме в 1600 г. В отношении своих научных воззрений Бруно был горячим защитником Коперника и новых идей современной ему астрономии. Бруно оставил после себя ряд значительных сочинений по философии и астрономии.

18) Либкнехт Вильгельм, (1826 — 1900) отец убитого вождя спартаковцев Карла Либкнехта; один из вождей немецкой социал-демократии; во время революции 1848 г. принимал деятельное участие в ряде восстаний, неоднократно сидел в тюрьме, наконец, за новое восстание был выслан в Лондон, где сблизился с Карлом Марксом и вступил в „Союз Коммунистов", а после раскола в нем в 1850 г., Либкнехт вместе с Марксом, Энгельсом и Эккариусом образовал новый коммунистический союз (в Кельне). После амнистии 1862 года Либкнехт вернулся в Берлин и стал работать в редакции одной из газет. В это-то время агенты Бисмарка пытались склонить Либкнехта к направлению рабочего движения в пользу интересов правительства. Либкнехт не только отказался от всего этого, но и вышел из редакции газеты, когда узнал, что издатель его связан с Бисмарком. Правительство возобновило преследование Либкнехта, арестовало его и бросило в тюрьму. В 1865 г. Либкнехт был изгнан из Пруссии и поселился в Лейпциге, где близко сошелся с Бебелем, вынося вместе с ним на своих плечах тяжесть борьбы с Бисмарком. В 1872 г. он вновь был арестован за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии.

Либкнехт с самого начала был последователем марксистского социализма и защитником интернационального союза рабочих. По его инициативе впротивовес „Всеобщему Рабочему Союзу" лассальянцев возникла в Эйзенахе социал-демократическая рабочая партия (только в 1874 г. лассальянцы в Готе слились с марксистами, руководимыми Бебелем и Либкнехтом, образуя в нем правое оппортунистическое крыло). При его же ближайшем участии возник орган немецкой социал-демократии „Vorwärts" („Вперед") — ныне орган шейдемановцев.

19) Тридцатилетняя война (1618 — 1648) возникла из-за попытки германского имперского рыцарства создания в Германии имперского самодержавия, с каковою целью ими был составлен католический союз (лига). Противники самодержавия императора, протестантские князья, составили впротивовес им протестанскую унию. Ближайшим поводом к войне послужило нарушение Фердинандом II привилегии чешских протестантов, повлекшее за собою восстание чехов, поддержанных протестантской унией. Католические войска под командованием Тилли и Валленштейна разбили протестантов, но в защиту протестантов выступил шведский король Густав Адольф, разбивший Тилли в двух сражениях — при Лейпциге и на реке Лехе; при Люцене (6 ноября 1632 года) был разбит Валленштейн, но в битве пал Густав-Адольф. Война продолжалась при участии Швеции и Франции, не желавшей усиления императорской власти в Германии. Война закончилась Вестфальским миром, по которому Франция приобрела часть Эльзаса, а Швеция — Померанию. Результатом войны для Германии было окончательное ослабление имперской власти, усиление власти князей, ставших полными самодержавцами в своих владениях, а главное — война эта разорила и обезлюдила

Германию надолго, культура ее упала и вообще развитие Германии на много десятилетий отстало от соседних стран.

20) Бисмарк, фон Шенгаузен, князь (1815—1898), крайний консерватор, с 1847 года был членом соединенного ландтага, где всегда рьяно выступал противником не только революции, но и либеральных взглядов и защитником королевской власти; до 1862 года работал на поприще дипломатической деятельности (был посланником в Франкфурте, Петербурге и Париже); затем германским императором был назначен председателем нового консервативного министерства, где стяжал себе славу „железного канцлера", твердо („железом и кровью" — по выражению самого Бисмарка), проводившего свою политику усиления влияния Германии в Европе, имперской власти и Пруссии — в Германии. При Бисмарке был проведен ряд удачных войн (австро-прусская и франко-прусская), усиливших Германию. В результате политики Бисмарка было создание сначала Северо-Германского Союза, а затем окончательное об'единение Германии в империю.

При помощи исключительного закона против социалистов Бисмарк пытался бороться со все усиливавшимся ростом и влиянием Германской с.-д-ии.

Случай с подделкой Бисмарком Эмской депеши имеет следующую историю:

После победы в войне с Австрией, Бисмарк подготавливал Германию к новой войне (с Францией). Французские дипломаты знали об этой подготовке и потому ухватились за предлог к об'явлению войны выставление кандидатуры прусского короля на испанский престол. Король сам лично в Эмсе вел переговоры по этому поводу с французским послом и отказался от выставления своей кандидатуры, но представитель Франции не удовлетворился этим отказом и пред'явил более резкое требование — не возобновлять свою кандидатуру никогда. Тогда Бисмарк, получив от фельдмаршала Мольтке отзыв, что чем скорее начнется война, тем это будет выгоднее для немецкой армии — впротивовес колебаниям короля, опубликовал депешу из Эмса в сокращенном виде, придав этим ей вид безусловного отказа продолжать переговоры. Война началась и закончилась разгромом Франции („Седанский позор", приведший к крушению т. н. второй империи Франции).

21) Битва при Люцене — см. примечание 19.

22) Карфаген — древний город, с 700-тысячным населением, находившийся на Севере Африки, в нынешнем Тунисе; возник приблизительно в IX веке до Р. Х., владел значительной частью С. Африки и Испании, держал в своих руках торговлю древнего мира. После продолжительных, т. н. „Пунических войн" с римлянами был разрушен в 146 году до Р. Х.

23) Смерть Густава Адольфа — см. примечание 19.

24) Онкен Вильгельм (р. 1838 г.), немецкий историк, редактор известной „Всеобщей истории", состоящей из 200 томов, для которой сам он написал историю Великой французской революции и историю царствования Вильгельма I, основателя Германской империи.

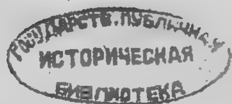
25) Лампрехт Карл, немецкий историк (р. 1856 г.), в главной своей работе „История Германии" выступил сторонником нового, по его мнению, мировоззрения, которое он сам назвал „коллективистическим", в действительности же нового в нем ничего не оказалось и даже материалистические основы в его труде совершенно не выдержаны (идеалистическое деление на исторические эпохи и пр.).

26) Тюрго Анна-Роберт-Жак (1727—81), барон, французский министр, обладал большими научными познаниями, предложил французскому правительству целый ряд финансовых и экономических реформ, но духовенство, парламент, дворянство и королева восстали против него и добились отставки Тюрго (1776). Тюрго виднейший представитель школы экономистов-физиократов (признававших, что богатство общества — в дарах природы и потому считавших, что ценности творят лишь природа и земледелец, что т. о. общество находится во „власти земли“, эта теория породила другое заблуждение, что земельная рента выростает из земли, а не из общества). Маркс в „Теориях прибавочной стоимости“ о Тюрго говорит следующее: „Тюрго, у которого мы находим физиократическое учение в самом развитом его виде,— это радикальный буржуазный министр, деятельность которого была введением во Французскую революцию“. В своем главном сочинении „Размышление о накоплении и распределении богатств“ Тюрго положил основание теории кредита, развитой впоследствии А. Смитом.

27) Неккер Жак — (1732 — 1804), парижский банкир, а с 1776 г. министр финансов Франции. Для поправления государственных нужд прибегал к займам, но положения не улучшил, а еще больше увеличил государственные долги. Задумал ряд коренных преобразований, с какою целью обнародовал государственный бюджет, вызвавший негодование со стороны высших классов, после чего вышел в отставку, затем несколько раз вновь призывался, а в 1790 г. окончательно удалился в Швейцарию.

28) В политической экономии термином „мануфактура“ обозначается особая форма капиталистического производства (на первых ступенях его): капиталистическое ручное (без самодвижущихся машин) производство, с большим числом наемных рабочих, высокой степенью разделения труда, зависимостью рабочих от хозяина-капиталиста, лично не принимающего участия в работе (см. об этом у Маркса в I-м т. „Капитала“, гл. XII, стр. 325).

29) Картели — форма организации предпринимателей-хозяев (союзы), имеющая целью: ослабление соперничества отдельных капиталистов, упорядочение сбыта производства товаров и поддержку в борьбе с рабочими, особенно при пред‘явлении последними требований об улучшении своего положения.



КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.

Агол И.— Основы марксизма (Анти-Дюринг Ф. Энгельса).— Изд. „Московский Рабочий". 1923 г. 69 стр. (см. первый отдел).

Адлер М.— Материалистическое и идеалистическое понимание истории (К. Маркс и Ф. Лассаль).- Изд. „Антей". 1917 г. 8 стр.

Адоратский В.— Программа по основным вопросам марксизма.— Изд. Главполитпросвета „Красная Новь". 1922 г.

Аксельрод (Ортодокс) Л.— Курс лекций по историческому материализму.— Помещен в журнале „Красная Новь" за 1922-23 г. с № 6 (10).

Ее-же — Философские очерки.— СПБ. 1906 г. 233 стр.

Ее-же — О „проблемах идеализма".— Изд. „Буревестник". Одесса. 1905 г. 47 стр.

Ее же — Против идеализма. Критика некоторых идеалистических течений философской мысли.— Сборник статей (предыдущее вошло в этот сборник). Гос. Изд. 1922 г. 240 стр.

Бельтов — см. Плеханов.

Богданов А.— Из психологии общества.— Изд. СПБ. 1906 г.

Будин Л.— Теоретическая система К. Маркса в свете новейшей критики. Гос. Изд. 1920 г. См. главы II и III (23—44 стр).

Бухарин — Теория исторического материализма.— Гос. Изд. 1922 г.

Вольфсон М.— Очерки обществоведения.— Гос. Изд. 1922 г. См. первый очерк (11—18 стр).

Вольфсон С.— Диалектический материализм.— Гос. Изд. Минск. 1922 г.

Горев Б.— Материализм — философия пролетариата.— Гос. Изд. 1920 г. Стр. 70.

Горин (Галкин) В.—Долой материализм.— Гос. Изд. 1920 г. 68 стр.

Гортер Г.— Исторический материализм.— Кн-ство „Коммунист". 1919 г. Стр. 140.

Грейлих Х.— О материалистическом понимании истории.— Изд. ВЦИК. 1918 г.

Дволайцкий.—Фридрих Энгельс.— Изд. 1921 г.

Деборин А.— Введение в философию диалектического материализма.— Гос. Изд. 1922 г. 376 стр.

Девиль Г.— Научный социализм.— Изд. Москва. 1919 г.

Жорес и Лафарг.— Идеализм и материализм в истории.— Изд. Алексеевой. 1906 г. Помещен в сборнике Семковского.

Каутский К.— К. Маркс и его историческое значение.— Изд. Пет. Совета. 1914 г. См. введение и первую главу.

Его-же — Ф. Энгельс, его жизнь, деятельность и сочинения.— Гос. Изд. 1920 г. 39 стр.

Его-же — Три кризиса марксизма.— Помещено в его же сборнике „Очередные проблемы" и сб. Семковского.

Его-же — К критике марксизма (Анти-Бернштейн).— Гос. Изд. 1922 г. См. первую главу.

Его-же — Сборник статей.— Перевод В. И. Ленина.— Гос. Изд. Киев. 1922 г. См. стр. 1-23.

Его-же — Этика и материалистическое понимание истории.— Изд. „Новая Москва". 1922 г. 191 стр.

Лабриола А.— Исторический материализм и философия.— Изд. „Моск. Раб." 1922 г.

Его-же — Исторический материализм.— Гос. Изд. 1922 г.

Лафарг П.— Исторический материализм Маркса.— Помещено в сб. Семковского, стр. 220.

Его-же — Экономика, естествознание и математика.— Там же, стр. 125.

Его же — Воспоминания о Марксе.

Ленин В. И.— Карл Маркс.— С изложением марксизма.— Изд. „Красная Новь". 1922 г. 24 стр.

Его-же — Материализм и эмпириокритицизм.— т. X „Собрания сочинений". Гос. Изд. 1922 г.

Либкнехт В.— Воспоминания о Марксе.— Изд. Петр. Совета.

Люксембург Р.— К. Маркс.

Маркс К.— К критике политической экономии.— Изд. „Шиповник". СПБ. 1907 г. См. предисловие.

Его-же — Тезисы о Л. Фейербахе.— Приложены к работе Энгельса о нем же.

Его-же — О французском материализме XVIII столетия — там же.

Его-же — Нищета философии.— Изд. ГИЗ. ПТБ. 1922 г.

Его-же — 18 брюмера Луи Бонапарта.— См. т. III „Собрания Сочинений".

Маркс К. и Энгельс Ф. — Коммунистический манифест. — Под ред. Д. Рязанова. Изд. „Моск. Раб." 1922 г.
Их-же — Святое семейство или критика критической критики.
Их-же — Письма. — Изд. „Моск. Раб." 1923 г.
Их-же — Собрание исторических работ. — Гос. Изд. 1922 г. т. III. „Собрания Сочинений".
Меринг Ф. — Исторический материализм. — Изд. ВЦИК. 1918 г. 61 стр.
Его-же — История германской социал-демократии. — Гос. Изд. 1922 г. См. соответствующие главы I-го тома.
Его-же — К. Маркс. История его жизни.
Меринг Ф. и Лафарг П. — Фридрих Энгельс. — Изд. Петр. Совета. 1919 г.
Орловский. — Карл Маркс. — Изд. 1918 г.
Под знаменем марксизма. — Журнал.
Покровский М. — Экономический материализм. — Гос. Изд. 1920 г. 40 стр
Его-же — Очерки по истории русской культуры. — Изд. „Прибой". Петроград. 1922 г. ч. I. См. предварительные замечания.
Плеханов Г. — Очерки по истории материализма. — Изд. Укргосиздат. 1922 г. 130 стр.
Его-же — Историческое подготовление марксизма. — Изд. „Московский Рабочий". 1922 г. 232 стр.
Его-же — В защиту революционного марксизма. — Сб. статей. Изд Моск. отд. ГИЗ. 1922 г. стр. VIII + 160.
Его же — Критика наших критиков. — Сб. статей. Изд. СПБ. 1906 г. VII + 399 стр.
Его-же — За 20 лет. — Сб. статей. Изд. „Обществ. Польза". 1909 г., стр. XXI + 620.
Его-же — К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Гос. Изд. 1922 г.
Его-же — Основные вопросы марксизма. — Изд. „Моск. Раб." 1922 г. 181 стр.
Его-же — Предисловие к „Коммунистическому манифесту".
Сарабьянов. — Исторический материализм. — Изд. „Моск. Раб." 1922 г. 120 стр.
Сафаров Г. — О научных основах коммунизма. — Гос. Изд. 1921 г. 110 стр.
Семковский С. — Исторический материализм. — Сборник статей разн. авторов. Изд. Укргосизд. 1922 г.
Его-же — Марксистская хрестоматия. — ч. I. Изд. Укргосиздата. 1922 г.
Его-же — Что такое марксизм (Маркс и Дарвин). Изд. Культ.-просв. „Труд". Харьков. 1922 г. стр. 48.
Чернышев И. — Памятная книга марксиста. — Изд. Укргосиздата. 1922 г.
Цеткин К. — К. Маркс и дело его жизни. — Изд. „Моск. Раб." 1922 г.
Штерн Г. — Исторический материализм. — Изд. ВЦИК. 1918 г.
Энгельс Ф. — Развитие социализма от утопии к научной теории. — Изд. „Моск. Раб." 1922 г.
Его-же — От классического идеализма к диалектическому материализму. — Гос. Изд. 1920 г. 47 стр.
Его-же — О материализме. — Изд. „Социалист". Петроград. 1917 г. 20 стр. Помещ. в сб. Семковского.
Его-же — Предисловие к „18 брюмера Луи Бонапарта" К. Маркса.
Его-же — Людвиг Фейербах. — Гос. Изд. 1922 г. 107 стр.
Его-же — Анти-Дюринг. — Изд. „Моск. Раб." 1922 г.
Его-же — Роль труда в процессе развития обезьяны в человека. — Кооп. Изд. „Гомельский Рабочий". 1922 г. 78 стр.
Его-же — Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Изд. „Моск. Раб." 1923 г.
Юшкевич. — О материалистическом понимании истории. — Изд. Укргосиздата. 1922 г.